

Эльчин
Сафарли

Легенды Босфора

...когда сказка — это больше,
чем просто реальность.

Это поистине восточная лавка сладостей.
Читать и наслаждаться!

Эльчин Сафарли
Легенды Босфора (сборник)

«АСТ»

2012

Сафарли Э.

Легенды Босфора (сборник) / Э. Сафарли — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-38610-7

«На первую годовщину нашего знакомства она подарила мне сердце своей любви. Перламутровую ракушку со дна Босфора. Причудливой формы, с вьевшимися крупными песками на шероховатой поверхности. Обычно ракушки прохладны на ощупь. Подарок Зейнеп наполнял сжатую ладонь теплом, будто внутри него горит маленькое пламя. „Я вложила в эту частичку Босфора свою любовь. Когда загрустишь, сожми ракушку в ладони“. Прошло много лет, а талисман Зейнеп по-прежнему спасает меня. От отчаяния, безверия. Моя бабушка часто повторяла: „Босфор – целитель. Помогает отпустить прошлое, принять настоящее. А если к нему приложится любовь, то чудеса будут случаться на каждом шагу!“ В разноцветных закоулках детства бабушкины слова казались мне очередной восточной сказкой. Сейчас понимаю: на Востоке все легенды и сказки – сама жизнь. Эта книга – лучшее тому доказательство!» Эльчин Сафарли

ISBN 978-5-271-38610-7

© Сафарли Э., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Сладкая соль Босфора	5
Часть I	5
1	5
2	6
3	7
4	9
5	11
6	13
7	15
8	17
9	18
10	20
11	21
12	22
Часть II	24
1	24
2	26
3	27
4	28
5	29
6	30
7	32
8	33
9	34
10	36
11	37
12	38
Часть III	40
1	40
2	41
3	42
4	44
5	45
6	46
7	47
8	48
9	50
10	52
11	54
12	56
13	58
14	60
15	61
16	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эльчин Сафарли

Легенды Босфора (сборник)

Сладкая соль Босфора

Часть I

Дух города души

*...Лаванда, амбра, запах пудры...
Чадра, и феска, и чалма...
Страна, где подданные мудры,
Где сводят женищины с ума...¹*

1

*...Мечтать интереснее о чем-либо недостижимом...
За два года до описываемых событий...*

...Желание отыскать счастье в магически-молчаливых переулках Стамбула многие называют «легкой мечтой». «Уж больно реальна. Мечтать интереснее о чем-либо недостижимом». Отмалчиваюсь. Не объясняю, что свое стамбульское счастье я не называю мечтой. Мой Стамбул – реальность. Дотянуться до нее осталось совсем чуть-чуть... Когда в городе души моросит дождь, чайки, вальсирующие над синеватым Босфором, громче кричат. В их глазах появляется смутнение. Нет, они не боятся, что их привычную умиротворенность омрачат капли небесной воды. Все дело в преданности. Не хотят отлетать от Босфора, на время затаиться в соломенных убежищах. Чайки Стамбула сопровождают тебя на протяжении всей дороги жизни. Сопровождают, независимо от того, гладкая дорога или ухабистая... В стамбульское будущее мало заберу из настоящего. Большинство назовут эгоистом. Уверен. Наплевать. Я построю замок собственного счастья. С каких пор это запрещено?..

* * *

...Он и Она отказываются помочь в поиске педагога по турецкому. «Боимся потерять тебя». Твержу им, что без того владею языком – надо лишь подкрепить. Твержу им, что все равно уеду, увезу нашу медово-яблочную дружбу с собою... Ем батлыджан эзмеси – холодный турецкий салат из баклажанов, приготовленных на углях. В каждом нарубленном нежно-зеленом кусочке просматриваются чарующие стамбульские картинки. Аромат углей смешался с бризом Босфора. Его волшебная песня доносится до моих уст, хотя сейчас я не ТАМ. Изменяю Босфору. Изменяю с Каспием... Купил декоративное лимонное деревце. Посажено в симпатичном глиняном горшочке. На его шершавой поверхности два рисунка – мечеть Святой

---

¹ Дон-Аминадо – Аминад Петрович Шполянский (1888–1957) – знаменитый русский поэт и прозаик. (Здесь и далее примеч. авт.)

Софии в Стамбуле и Девичья башня в Баку. Баку и Стамбул – две частички судьбы, объединенные одним словом – Восток...

2

*...Босфор любит осень.
Хоть она и приходит раз в году...*

...Седовласая пожилая толстушка Нилюфер с нетерпением ждет моего приезда. Ежегодно. С наступлением первых дней сентября прислушивается к звукам из окна. Надеется услышать шум мотора подъехавшего к зданию желтого такси. В нем должен быть я – одухотворенный, с мокрыми от счастья глазами, немного уставший... Люблю эту двухкомнатную квартирку в районе Ортакей. Маленькая, с бело-желтыми стенами, по-матерински уютная, с многочисленными ночниками в комнатах. На Нилюфер-ханым², которая сдает мне свое жилье, некогда родные стены теперь навеивают грусть. После смерти мужа Махсуна. Его забрал к себе Аллах ночью с четверга на пятницу. «Значит, Махсун в раю. Я спокойна...» – причитает толстушка со слезами на небесно-голубых глазах. У нее родинка над верхней губой. Как у мамы... Меня стены этой квартиры успокаивают, вдохновляют. Как не может быть вдохновения, когда из окна спальни виден Босфор? Могучий, сентиментальный, сказочный. Именно его приветствую первым долгом, направляясь из аэропорта в Ортакей. Усатый таксист с толстыми черными бровями удивленно оглядывается, когда здороваюсь с Другом. «Ты снова рядом...» – произношу я, смотря на бегущую живописную полосу за окном такси. Босфор в ответ кивает. В качестве приветствия сонное утреннее море посылает в ответ волну – пенистую, шипучую. Улыбаюсь, плачу, закрывая глаза под легкими порывами ветра. Таксист смущается. Соперевживает. «Течмитт олсун»³. Затем включает радио. Поет Сезен Аксу⁴...

Каждый год возвращаюсь в ортакейскую квартиру переполненный надеждами, с осколками обиды в душе. С белоснежной кожей. Через пару месяцев станет бронзовой... Я возвращаюсь, а Нилюфер-ханым уезжает. К сестре, за пределы Стамбула. Там, на природе, ей спокойнее. Уезжает не одна. С двумя своими кошками – Гюльшен, Эбру Подобрала их у подъезда дома. Из жалких худышек превратила в толстопуzych богинь... Нилюфер-ханым покидает Стамбул на следующий день после дневного намаза, оставляя массу вкусностей в холодильнике. Долма из виноградных листьев, салджалы кёфте... Научился готовить турецкие блюда. Кулинарные «курсы» тетушки Нилюфер лучшие. Она 12 лет проработала поваром у президента Сулеймана Демиреля⁵. Поэтому в рестораны Стамбула хожу редко – чаще стряпаю сам. Готовлю салджалы кёфте. Любимое блюдо. Маленькие пирожки с рубленой телятиной поджариваются на масле, после чего тушатся в томатном соусе. Гарнир – рис со специями. Для желудка столь тяжелая еда – стресс. Спасает айран со щепоткой соли и сушеной мятой...

За время пребывания в Стамбуле больше сплю. Отсыпаюсь. Гуляю по древним улицам. В руках томик Памука с автографом. Подкрепляю прочитанное увиденным. С переездом в город души до книг руки реже доходят. Ведь красота Босфора прекраснее любой книги, любого слога... Чистой воды волшебство.

---

² Уважительное обращение к женщине на Востоке.

³ Турки произносят это с целью успокоить горящего человека.

⁴ Знаменитая турецкая певица.

⁵ Девятый президент Турции.

* * *

...Стамбульская осень особенная. В ней меньше оранжево-желтых оттенков. Бежево-серых – больше. Она не багряная, как в Праге. Она не дождливо-плачущая, как в Москве. Стамбульская осенняя меланхолия другая. Мятно-свежая, нежно-прохладная, без шальных ветров, с засохшими бледно-коричневыми листьями на отсыревшей земле. Она похожа на пышногрудую брюнетку, влюбленную в свободолюбивого моряка, которого преданно ждет. Ждет, вопреки окружающим соблазнам. Ее сердце греется в его грубых, теплых руках с потрескавшейся кожей. Кожей, обветренной зимним Босфором. Любила целовать эти руки...

Осень Стамбула не жестокая – привыкла считаться с мнением улыбчивых жителей. При этом она за справедливость. Когда обижают – молчит. Терпит. Выжидает. Как только обидчики забывают о сказанных словах, она, снимая маску безразличия, нападает. Как правило, нападает шквальным ветром. Может и снегом, в редких случаях.

Осень Стамбула заодно с Босфором. Он – верный, чувственный, постоянный – всегда готов прийти на помощь. Только позови. Если осень обижают, Босфор рвет и мечет. Разъяренные волны топят корабли, подводные течения разгоняют рыбешку. Он знает – осень виноватой быть не может. У нее характер мягкий, покладистый. Поэтому нанесенные ей обиды Босфор не прощает. Он любит осень. Хоть она и приходит раз в году...

Осень Стамбула пропитана ароматом фисташек. Еще в воздушных потоках можно уловить запах свежесваренного турецкого кофе, крепких сигарет, вкуснейшего гёзлеме с душистой мясной начинкой.

Запах этого кулинарного чуда приносит ветром из небольшого переулочка в районе мечети Ортакей...

Однако при всех отличиях стамбульская осень остается осенью. Лишь внешне может быть отлична от других видов осени. Внутри – все схоже. Грустная радость, комок в горле от переполняющей тебя любви, мурашки по белой коже. Так не только в Стамбуле. Такая осень во всех странах мира...

3

...В снежную метель боишься потерять веру в вечное спасение...

...Ноябрьский Стамбул меня пугает. Как маленького мальчика с наивными глазами, который, испугавшись ночных бликов, прячется под одеяло.

В месяц Скорпиона город души становится таким же устрашающе-непредсказуемым, как этот знак зодиака. Привычно теплая оболочка Стамбула покрывается кристальным инеем. Переменчивый ветер бросается им в замерзшее лицо. Приезжих такой Стамбул пугает. Наводит панику, безмолвно угрожает, гонит подальше от себя. Видя ошарашенные лица гостей города, коренные стамбульцы не могут сдержать улыбок. «Их пугает всего лишь маска...» – говорят они, грея руки кружкой яблочного чая. Для них зимний Стамбул – человек настроения с хронической депрессией. Сегодня – настроение отличное, через час – беспричинно отвратительное. Вместо легкой улыбки горько-соленые слезы, дрожащие руки...

Зимний Стамбул совсем не похож на летний. Это как два брата-близнеца – внешность одинаковая, характеры разные... Зимой Стамбул становится недовольным, ворчливым, осерчавшим. Когда он зол, но при этом молчит – погода спокойно-холодная. Когда он зол, но при этом выражает злость – погода агрессивно-штормовая. Выпадает снег, меркнут яркие краски, продрогшие чайки над Босфором растерянно кричат. Поэтому жители Стамбула, зная о «зим-

нем кризисе», принимают город таким, какой он есть. Не стараются поменять что-либо. Лишь улицы подметают, дороги от снега расчищают и чорбу⁶ чечевичную варят...

Тетушка Нилюфер не раз рассказывала о характере Стамбула. Летом на денек приезжала в Ортакёй. За готовкой пахлавы делилась историями о восточном городе. Голос с хрипотцой поглощал целиком. Я выпадал из реальности, попадая в Стамбул 40-50-х годов. Она рассказывала о тяжелом детстве в интернате, о первом свидании с Махсуном, о дружбе с Решадом Нури Гюнтекином, подарившим миру «Королька – птичку певчую»...

Я узнавал Стамбул в настоящих, порой жестоких оттенках. Так что сейчас для меня его зимний настрой был знаком. Да и не раз приходилось бывать зимой в Стамбуле. Нельзя сказать, что он наводил на меня такой же страх, как на многочисленных приезжих. Просто-напросто было непривычно находиться в измерении холодного Константинополя. Я люблю этот город, когда он облачен в лимонно-солнечные ткани лета, в бледно-коричневые шелка осени. В эти сезоны волшебство Стамбула обостряется – он пахнет фруктовыми цукатами, ванильным бисквитом, рыбным шашлыком... Нет, моя любовь не корыстно-эгоистична. Воспринимаю Стамбул в любом одеянии. Просто так же, как в детстве, в снежную метель боишься потерять веру в вечное спасение...

* * *

...Беседовать с ветром карамельно-приятно.

Вопреки природной непостоянности он умеет слушать – нащупывает невидимыми руками эмоции, вникает в слова, внимательно отслеживает интонацию. И еще. Ветер умеет молчать. Когда необходимо, становится неслышным – кружит рядом, давая понять, мол, я здесь, рядышком. Если нужно – позови. В отличие от московских ветров, стамбульские порывы воздуха более учтиво-нежные. С долей игривости в прозрачной начинке. Со стамбульским ветром говорить не только приятно, но и сладко. Вне зависимости от сезона он наполнен ароматом рахат-лукума. А внешняя оболочка посыпана сахарной пудрой, особенно заметной в зимнюю пору. Пору, когда с Босфора на Стамбул несется пойраз – сильный северо-восточный ветер. Пойраз боевой – во времена существования Османской империи полководцы на него молились. Он наполнял силой, замораживал эмоции. Ведь эмоции в бою – большая вероятность поражения... Несмотря на внешнюю агрессивность, внутри пойраз нежнозаботливый. С ним интересно говорить – он щедро делится харизмой. Пойраз – как умный, успешный мужчина с нерасполагающей внешностью, но с тонкой душой. Найдешь подход – значит, отыщешь путь к сердцу.

Когда в Стамбул прилетает пойраз, облачаюсь в коричневую дутую куртку, наматываю на больное горло черешневый шарф. Надеваю черную шерстяную шапку со значком Nike и покидаю Ортакёй. Направляюсь к берегу Босфора. Располагаюсь в укромном местечке, где еще летом шумело кафе с пестрой вывеской. Закрываю глаза. Придаюсь беседе с долгожданным пойразом. Сначала он шипит, угрожает нависающими волнами, присматривается. Что поделаешь, недоверчив по природе... Но как только пойраз узнает в тепло одетом человеке-«капусте» родного гостя, он успокаивается. Протягивает руку, крепко обнимает, вдыхает твой запах, как любопытный щенок-лабрадорчик. Из моих глаз текут слезы счастья. «Я соскучился... В Баку и в Москве сейчас дожди. А здесь, в Стамбуле, только ты, шумный пойраз...» – шепчу ему в уху воспаленным голосом. После собственноручно приготовленного прохладного айрана, выпитого по глупости накануне перед сном, мое горло воспалилось. Пойраз улыбается, говорит, что теплых слов не слышал давно. «Люди думают, я злой... Поэтому отвечают мне злобно... Все, кроме тебя». Пытаюсь разубедить его. Он делает вид, что верит...

---

⁶ Суп (турец.).

Пойраз слушает меня. Я слушаю его. С ним я другой. Совсем не такой, как с лодозом – теплым южным ветром. У лодоза свои преимущества – сравнивать его бессмысленно с пойразом. Да и последний не обижается, когда сравнивают. «Я холодный – он теплый... Как нас можно сравнивать?» – ухмыляется пойраз. Люблю их одинаково. Каждого по-своему. Люблю их ощущать, прогуливаясь по набережной, где ветры разгульны, свободны, отважны. Когда дует теплый лодоз, в Босфор заплывают дельфины. Жизнерадостные, игривые, немного настороженные. Настороженные из-за того, что зона пролива для них опасна. Нет, они не в обиде на Босфор. Они в обиде на людей, загрязняющих Босфор. Поэтому редко посещают пролив...

...Когда в Стамбул приходит мельтем – сухой летний ветер, я покидаю город души. Признаться, из-за боязни перед мельтемом. Он жесток, беспощаден. Во всяком случае, для меня. Мельтем любит прошлое. Не зря в переводе с турецкого он «регулярно возвращающийся»... Я боюсь прошлого... Соответственно и мельтема тоже.

4

...Искренность чаще встречаешь у животных, чем в среде людей...

...Есть города, поглощающие тебя целиком. На их территории чувствуешь себя собранным – тоска по родине рассеивается, тупая боль в мышцах исчезает, грусть кремового цвета сменяется оранжевой верой в будущее. Верой, которой переполняешься, когда снимаешь с головы теплую шапку, развязываешь шарф, подставляя лицо под порывы морского ветра... Стамбул именно такой город. Привык доминировать – нейтральная позиция не для него.

Если решил переехать в Стамбул, то надолго. Если Стамбул принял тебя в свои объятия, то навсегда.

К нему быстро привязываешься. У него глубокие синие очи с живописным дном, где живут манерные медузы, рыбки с блуждающими серо-зелеными глазами. У него бархатистый голос – приторно-свежий, как морозный бриз зимнего Босфора, мужественно-крепкий, как турецкий кофе, манящий, как свежее испеченная пахлава в медовом сиропе.

Одним словом, Стамбул не отпускает тебя, ты не отпускаешь Стамбул. Может, просто люди быстро привыкают к хорошему?..

Часто ранним утром прогуливаюсь по набережной. Встаю в пять утра, направляюсь к очагу умиротворенности. Там каждый день меня встречают призыв к сабах-намазу⁷, доносящийся со стороны царственной Айя-Софии⁸, шум прибоя и игривая дворняга с длинными ушами. Назвал ее Айдынлыг⁹. Назвал за чистый взгляд – глаза ясно-прозрачные, как вода ручейка у подножия гор на юге Турции... Она подбегает ко мне, виляет хвостом. Трется мордочкой об мои шершавые вельветовые брюки. Грустно. Грустно оттого, что такую искренность сегодня чаще встречаешь у животных, чем в среде людей...

Вытаскиваю из кармана куртки коричневый бумажный пакет с собачьим печеньем. С начинкой из телячьей печени. Нет, это не остатки еды моего пса. Его у меня нет. Собираюсь завести. А пока специально для Айдынлыг покупаю сие лакомство... Длинноухая богиня уплетает печенье, а я все больше осознаю масштабы собственного одиночества. Бросаю бледно-голубые камни в Босфор, тем самым избавляясь от осколков душевной боли. Боли, которую привез с собою в Турцию. Боли, от которой исцелит Босфор. Он обещал. «Эй, Босфор, ты сдерживаешь обещания?..» В компании Босфора одиночество не гнетуще-разъедающее. Оно теряет темные очертания, становится сизым, как весеннее облако. Со временем природная

---

⁷ Утренний намаз.

⁸ Древняя мечеть (музей) у берега Босфора.

⁹ Ясность (турец.).

магия великого пролива творит чудеса – волны смывают слой одиночества. В этом меня убеждала тетушка Нилюфер. «Аллах привел меня к Босфору, чтобы он излечил меня от тоски по Махсуну... Со временем боль утраты исчезла. Теперь моя тоска легкая, наполненная желанием жить. Поверь мне, оглум¹⁰», – говорит седовласая турчанка, поднимая руки к небу...

...Сегодня тридцать четвертый день моих утренних встреч с Босфором. Сегодня тридцать четвертый день моих встреч с Айдынлыг. И после того как Босфор излечит меня, снова буду приходить к нему в гости. Буду приходить вместе с Айдынлыг. «А зачем покупать собаку, если она у меня уже есть?» А что? Великолепная идея!

...Беру на руки растолстевшую за последний месяц Айдынлыг, прижимаю к себе теплое, мохнатое тело, возвращаюсь домой. Она рада. Облизывает мое ухо, счастливо скулит. Еще никто не носил Айдынлыг на руках... Лишь спустя четыре дня осознал, что полностью излечился от одиночества. Босфор послал ко мне Айдынлыг. Она оказалась моим врачом...

...С тех пор по-прежнему прихожу к заветному берегу. Заодно госпожу Ясность выгуливать, да и с Босфором повстречаться. И еще. Я решил. Окончательно переезжаю в Стамбул. На днях еду в Баку.

Соберу вещи и обратно сюда. К Босфору, к Айдынлыг. К своему счастью...

...Говорят, в Стамбуле все слаженно, гармонично, как в природе. Хаотичный ритм в душе меланхолического мегаполиса, убаюкивающий гул Босфора, забавная болтовня любопытных чаек над Золотым Рогом... Одним словом, атмосфера сказочная – без доли мистики. Однако это только на первый взгляд. Мистика Стамбула существует, открываясь лишь избранным. Мистика Стамбула напоминает колоритную кубинку с длинными рубиновыми сережками на растянутых мочках ушей. С крепкой сигарой в темно-фиолетовых губах. Одаренная ясновидением кубинка грешит гаданием на потрепанных картах. Однако в своей пропахшей табаком комнатухе гадает только «людям с чертиками в глазах». «Гадаю тем, кто верит. Баловством не занимаюсь», – категорично заявляет она хриплым басом... Так и Стамбул. Его магический флер огненно-оранжевого оттенка обволакивает только тех, кто верит, чувствует, осязает. Таковых не много. Один из них я...

Моя прабабушка Пярзад, дивная азербайджанка турецких корней с насурьмленными бровями, гадала часто. Тогда мне, девятилетнему мальчишке, такие «процедуры» казались очередной игрой. Впрочем, волшебство этой игры пленило, захватывало.

Пярзад-нене¹¹ морщинистыми руками выжимала в потрескавшуюся, древнюю пиалу сок позднего ноябрьского граната, а потом, поджигая кусочки ваты, бросала их в темно-красную жидкость. «Сейчас увижу картинку... Ты не смотри, балам¹²... Все равно не увидишь...» – щебетала она, вглядываясь в пиалу. Я, облаченный в оранжевые шортики, замороженно сидел на бамбуковом стуле, наблюдая за бабулей. А она тем временем начинала предсказывать. Предсказывать мою болезнь, впоследствии оказавшуюся свинкой, мой отъезд с мамой «в соседние края», то бишь в Турцию, мое поступление там в Анкаринский университет... С тех пор искренне верю в магию. Особенно в магию Стамбула. Она пахнет душистой рутой¹³. Многие мусульмане, высушив эту траву под лимонными лучами солнца, именуют ее «узьярликом». Поджигают в металлическом горшочке. Исходящим вонючим дымом обдают младенцев, молодых, взрослых. Как объясняют, «от сглаза – лучшее средство»...

...Магия Стамбула обволокла меня в один из дождливых дней осени. Город души буквально утонул в небесной воде – дождевые ручьи потоком неслись по каменистым дорогам, стекая в царство Босфора. Несмотря на то что моя симпатия к дождю огромна, в такую погоду

---

¹⁰ Сынок (*турец.*).

¹¹ Почтительное обращение к бабушкам в Азербайджане.

¹² Малыш (*азерб.*).

¹³ Многолетнее травянистое растение.

предпочитаю затаиться в квартире, наблюдая из окна за промокшим Стамбулом. Однако в тот день все же пришлось покинуть теплый уют, хоть и совсем ненадолго. Дело в том, что к свежесваренному кофе до боли в желудке захотелось турецкой пахлавы. К тому времени сладкие «запасы» тетушки Нилюфер иссякли. Поэтому пришлось одеваться, доставать из шкафа синий зонт и двигаться в направлении кондитерской «Gamsoz Hayat»¹⁴, находящейся в соседнем переулке. Такси отыскать не удалось, поэтому потопал пешком. Пустая улица серого цвета, горбатый старичок по имени Давуд, закрывающий фруктовую лавку, мокрые здания потемневших оттенков... До «Gamsoz Hayat» недолго, осталось завернуть за угол... Она появилась передо мной неожиданно, как стена. Покрытая черной косынкой голова, коричневый плащ из непонятного резинового материала, в белых руках серый зонт. На ногах... красные туфли на каблуках. Их почему-то сразу заметил – на фоне общей серости туфли походили на красный свет светофора. Я замер. Оцепенел. Рука машинально уронила зонт. В ушах возник непонятный гул. На ресницах замерли толстые капли дождя. В мокасины проникла холодная вода. Она молчит. И я молчу. Слышен лишь дождь. Издалека доносится недовольное пыхтение Босфора. Он ненавидит осадки, так как в такую погоду люди его не посещают. Ведь, по сути, Босфор одинок с тех пор, как дельфины покинули пролив, появляясь лишь с приходом южного ветра. Чайки же – создания ветреные. На них не понадеешься...

«Ты долго искал свой путь. Наконец нашел его. Приведет тебя к счастью... Скоро встретишь это счастье в одном большом магазине, после акшам-намазы¹⁵... Запомни». Тихо, почти шепотом, будто заклинание, женщина в красных туфлях произносит странные слова. Запомнил движение ее тонких, розовых губ. Как только они замерли, услышал громкий шум. В миг женщина рассеялась в воздухе, гул в ушах исчез, оцепенение прошло. Взглянул в сторону проезжей дороги. Старичок Давуд собирал с земли оранжевые апельсины. Рядом валялся перевернутый ящик из светлой древесины. Значит, тот грохот – от упавшего ящика с фруктами? Куда же делась женщина в красных туфлях? Опустил голову, посмотрел на то место, где пару секунд назад стояла странная дама. На этом месте валялись ее красные лодочки с широкими каблуками. И все. Больше ничего. Тем временем предсказание женщины крутилось в мыслях, наполняя нутро тревогой... Подобрал зонт, побежал домой... Спустя несколько месяцев предсказание сбылось. Об этом чуть позже...

* * *

По словам тетушки Нилюфер женщина в красных туфлях появляется в Ортакёе приблизительно с 1952 года. В дождливую погоду. Она предсказывает судьбу избранным, оставляя напоследок пару красных туфель... «Поговаривают, женщину звали Арзу. Была супругой знаменитого сапожника Ибрагима Гюлюоглу. Когда он в возрасте сорока двух лет погиб в автокатастрофе, Арзу от тоски по мужу убила себя. Аллах покарал ее за грешный поступок. С того времени душа Арзу блуждает на земле, не познав рая. Быть покойному не на небе – значит быть в аду». Такую историю поведала Нилюфер. Историю об Арзу, предсказывающей счастье избранным...

5

...Это ее традиция – провожать близких инжировым вареньем...

¹⁴ «Жизнь без грусти» (турец.).

¹⁵ Вечерний намаз (турец.).

...Кожаные чемоданы в туманно-утренней прихожей. Тесно прижаты друг к другу. За окном четвертый день хмурого ноября – свинцовое небо, сырой асфальт, сосновый запах после дождя. В Баку одиннадцатый месяц года называют раем пессимистов. «Göyə baxırsan, ügəin sixilir»¹⁶, – заявляла моя прабабушка Пярзад, закрывая тяжелые гардины. Она не любила ноябрь, прячась от сырой прохлады завывающе-пыльного хазри¹⁷. В ноябре Пярзад-нене практически не выходила на улицу. Днем готовила для нас аришту¹⁸, по вечерам читала Омара Хайяма. «Его строки наполняют душу теплом», – отмечала она, вспоминая, как двенадцать лет назад посетила могилу великого поэта в Иране. «Я стояла, плакала, а в уме бесконечно повторяла его строки: „Меня похоронят в таком месте, где всегда в дни весеннего равноденствия свежий ветер будет осыпать цветы плодовых ветвей“. Он угадал...» Ее хриплый, тихий голос дрожал. Озерки слез в моих глазах также дрожали. Вот-вот сорвутся с век, потекут по щекам...

...Дождаясь в прихожей желтого такси, которое отвезет меня в аэропорт, я вновь окунулся в сочносиний океан прошлого. Вспоминал беззаботность школьных лет, одухотворенность во время учебы в университете, первый день на первой работе, родной фиалковый запах Пярзад-нене, бархатный голос матери. Сейчас она – угрюмая, грустная, встревоженная – затаилась на кухне. Упаковывала для меня посуду с тремя килограммами золотистого, слегка засахарившегося инжирового варенья. Это ее традиция – провожать близких инжировым вареньем. Без него не отпустит из дому. Без него не подставит пухлую щеку для прощального поцелуя... Она говорит, что «я бегу от самого себя». Она объясняет, что «счастливым можно быть везде, не только в Стамбуле». Она вторит, что «многое зависит от человека». Она целует со словами о том, что «с моим отъездом лишится спокойного сна». «Я буду скучать», – шепчет мама в ухо. Сдерживает слезы. Она женщина-Скорпион. А женщины-Скорпионы редко плачут. На моих глазах мама заплакала всего один раз. Когда хоронили бабушку... Я уезжаю.

...В миг посадки лайнера «Азала»¹⁹ в аэропорту Ататюрка решил, что в Стамбуле непременно должен стать счастливым. Счастливым пуще прежнего. Несчастливым себя никогда не ощущал – судьба часто улыбалась мне. Я знаю, что такое жить в царстве торта, где крыша кремово-фруктовая, стены ванильно-бисквитные, а под ногами хрустит отменное безе... Я убежал в Стамбул, словно раненый медвежонок в берлогу. Там рана, истекающая гранатовым соком, обязательно заживет... В Стамбуле меня ждали любвеобильный Босфор, тетушка Нилюфер и тот человек, слова которого ранили мою душу. У нас должна была состояться последняя встреча. Прощальная встреча в Турции. Так получилось – стечение обстоятельств. Прощальные встречи особенные. Нет, они совершенно не болезненные. Они похожи на грустное мгновение, когда ты отпускаешь голубя из рук. Он улетает, твое сердце продолжает биться вопреки всем переживаниям. Ты смотришь на голубя в небе, в глубине разума понимая, что надо жить дальше. Хотя душа плачет, что без голубя ты как без рук...

...Встретились у Босфора. В миг, когда мы встречались для прощания, тетушка Нилюфер пила турецкий кофе с азербайджанским инжировым вареньем. В миг, когда мы встречались для прощания, в Стамбуле улучшилась погода, засветило слабое солнышко. Когда мы встречались для прощания, в Баку шли дожди, в Москве же выпал первый снег... Мы находились на скалистом островке в середине Босфора. В ресторанчике на втором этаже Кыз Кюлеси²⁰. Вокруг спокойное море, летают чайки, а рядом она. Она сегодня собрала волосы. Не надела очки. Отважно. Значит, открыта передо мной. Ей нечего скрывать... Мы расстаемся из-за нее. Все банально просто – полюбила другого. Я не стал уговаривать. Выслушал. Сердце бунтовало.

¹⁶ «Глянешь в небо – аж сердце сжимается» (азерб.).

¹⁷ Северный ветер в Баку.

¹⁸ Национальное азербайджанское блюдо.

¹⁹ Государственная авиакомпания Азербайджана.

²⁰ «Девичья башня» (турец.). Построена около 2500 лет назад на отмели Босфора у азиатского побережья Стамбула.

Однако разум не подпускал к себе этого бунта. Я сказал: «Решать тебе. Но знай, что я тебя люблю». Может быть, нужно было красноречивее?..

После окончательного объяснения мы молчали. Она, опустив голову, ковыряла вилкой живописное блюдо из аскер-балыкы²¹. Я смотрел на нее. Мраморная кожа, нежные руки пианистки, кристально-чистые глаза. Не могу на нее злиться. Могу только сказать, что люблю ее... Неожиданно подул пойраз... Сели на катер, вернулись в город. Она завела машину, поехала в аэропорт. Я пошел пешком домой. Плевать на расстояния, хочу, чтобы порывы пойраза высушили невидимые слезы на моих карих глазах...

С тех пор, как говорится, утекло много воды. Я выдержал, пережил. Обновился. Опять-таки заслуга Босфора. Он излечил... Знаю, она вернулась в Баку. Мама там ее однажды встретила в районе Бешмертебе, тем самым узнав о нашем расставании. Расстроилась. Потом звонила, высказывала недовольство. «Опять я узнала обо всем последней...»

...Я часто заглядываю в ортакеевские магазинчики. Шумные, наполненные звуками музыки из радиоприемников, ароматом фруктов. От сего колорита душа расцветает, словно орхидеи в середине весны. А нашел ли я здесь счастье? Отвечаю: «Да». Женщина в красных туфлях оказалась права. Об этом как-нибудь в другой раз...

6

...Нас от Бога разделяет лишь бело-голубая небесная прослойка...

...Есть места, где ты близок к Богу. Слышишь его могучее дыхание, чувствуешь на себе требовательно-гуманный взгляд, на мгновение слепнешь от сверкания изумрудных крылышек золотоволосых ангелочков. От них пахнет ванилью, как от любимой бабушки, гордо вытаскивающей из духовки маковые булочки с изюмом... Каждый понедельник стараюсь посещать вершину холма Чамлыджа. Далековато от дома. Оно того стоит. Только там – на самой высокой точке Стамбула – удастся почувствовать присутствие Бога. Нас разделяет лишь бело-голубая небесная прослойка. Но она – мягкая, пушистая, легкая – не преграда. Бог протягивает мягкую ладонь, кладет мне на плечо и... молчит. Молчит, безмолвно выкатывая наружу десятки клубков мыслей. Мыслей, среди которых нахожу ответы на многие вопросы...

Бог любит Стамбул. Хотя часто пожилое поколение турков думает обратное. «Аллах карает нас за деяния этой развязной молодежи, посылая на нашу страну страшные землетрясения. Посмотрите, в чем ходят девушки?! Оголили животы, головы не покрывают. Они же мусульманки! Allaha bu hoş gitmez!»²² – сердится голубоглазая старушка, торгующая семечками на площади перед Египетским базаром. К ней с трудом подобрешься. Стая голубей окружила торговку, словно телохранители всеми любимого Сердара Ортаджа²³. Подкармливая птиц зерном, старушка жалуется на подрастающее поколение, она объясняет, что голуби прилетают на грешную землю из райских садов Аллаха. «Чтобы люди не забывали о могуществе Всевышнего»...

С высоты Чамлыджа Стамбул в корне иной. Великие минареты великих мечетей, сверкающий на солнце Золотой Рог, верхушки небоскребов, синее полотно Босфора. Чайки синхронно двигаются в воздушном пространстве, будто ими управляет кукольник...

...Почему-то на Чамлыдже в поток моего сознания вливается карамельно-малиновый соус прошлого. Непроизвольно от меня. Если раньше соус горчил, то сейчас он приятен на

---

²¹ Так в Турции называют меч-рыбу.

²² Будет не угодно Аллаху (турец.).

²³ Поп-звезда Турции.

вкус. С прошлым стараюсь находиться в ладах. Научился жить с ним – не перечеркивая, не забывая, не отпуская. В умных книжках написано, что прошлое надо уметь перелистывать, как страницы увлекательной книги. Пробовал. Не получается. Во всяком случае, у меня. Встречаю прошлое в каждой вспышке настоящего. В пробегающей по стволу могучего дерева резвой белке, в кружевном дыме «Мальборо», в каплях дождя на окнах машины. ... Самые яркие главы из книги моего прошлого всегда рядом, даже на вершине Чамлыджа.

...Смотрю на Босфор, вспоминая, как впервые, вместе с родителями, съездил на почти необитаемый остров в азербайджанской части Каспия, где, кроме прозрачного моря, змей-скромняг и одинокого маяка с не менее одиноким седобородым стариком-смотрителем, никого не было... Смотрю на кладезь историй старого Стамбула – Дворец Бейлербеи, вспоминая, как с одноклассниками и нашей классной руководительницей Розой Харитоновной впервые попал в Эрмитаж. Важно передвигался по музею, представляя себя почетным гостем во владениях сказочного царя...

...Вновь встречаю на Чамлыдже свою юную рыжеволосую соратницу Гюльбен. Смотрю на нее, жалея, что у меня не было сестры. Маме, мечтающей о дочери, Аллах даровал двух сыновей...

Заморосил дождик. На фоне заката у него бледно-коричневый окрас. Дождик почти незаметный, с холодными каплями-искрами, принесший с собою запах мокрой осенней листвы. Гюльбен молча прилегла на сырой траве – в лиловом пальто, с красным шарфом на худенькой шее, в шапке бананового цвета. У Гюльбен фиалковые глаза, наполненные жизнерадостностью. Я ее называю «İstanbulun gʁnegi»²⁴. Она смеется, хлопает глазами, как толстощекая девочка-кокетка, красующаяся перед зеркалом с маминой помадой в руках. Гюльбен лишена дара речи с рождения. Уже восемнадцатый год жизни она живет в молчании, в тишине, совершенно самостоятельно передвигаясь по городу. За Гюльбен говорят глаза. В них все эмоции. В них вся любовь к окружающему миру...

...Она пишет на страницах желтого блокнота. Он висит у нее на шее вместе с чернильной ручкой. «Мир напоминает мне тыквенный пирог, который часто пекла мама. Он такой же оранжево-белый. Оранжевая тыквенная начинка – это грусть, за которой обязательно следует счастливый слой белоснежного теста...» Гюльбен записывает эти слова в блокнотике. Скромно улыбаясь, показывает мне, мол, согласен? Киваю в ответ. С улыбкой на лице. Хотя с трудом сдерживаю слезы от восхищения. Откуда в таком юном создании столько жизнелюбия? Ее грусть оранжевого цвета, а я, говорящий и слышащий, привык видеть грусть темных оттенков...

Гюльбен любит яркие краски. Мечтает стать художницей. Даже в самую серую погоду на ней одежда горящих оттенков. Своеобразный протест против жизненной несправедливости?! Она об этом не писала. Так думаю я... Мы познакомились с Гюльбен здесь, на Чамлыдже. «Ты видишь жар-птицу? Она только что расположилась на твоём правом плече». Такая была ее первая запись для меня. «Ее часто вижу... С жар-птицей дружим с детства».

Я написал ответ ее же красной ручкой под ее же размашистым почерком...

Гюльбен живет в Кадыкёе. Пятый год каждый понедельник посещает холм Чамлыджа, чтобы поговорить с мамой. «Она на небесах. А здесь я совсем близка к ним. Мама меня слышит...» Теперь она признается, что приезжает сюда, чтобы повидаться с мамой и... со мной. Гюльбен не требует ничего взамен. Даже дружбы. Она просто каждый понедельник оказывается рядом со мной – переписываемся, смеемся, чаще молчим, наблюдая за Босфором... Теперь она частичка моего стамбульского счастья, как и Айдынлыг. Кстати, она всегда с нами. Верная псина любит засыпать в теплых объятиях юной художницы...

²⁴ Солнышко Стамбула (*турец.*).

...Я спрашиваю у Бога. Почему он послал «стамбульскому солнышку» вечное молчание? Бог отвечает: «Людам кажется, что она молчит. В действительности она говорит. Говорит посредством души. Этот голос даровано услышать не каждому». Таков ответ Божий. Ему можно верить...

7

...Все равно объяснения – это правдивая ложь. Она рождается не в душе, а в разуме...

«...Знаешь, жар-птица теперь часто грустит. Позолота на красно-желтых перышках поблекла, в синих глазах море тоски. Она перестала петь песни. Те самые песни, слушая которые цвет Босфора становится насыщенно-фиалковым, а чайки послушно замирают на канатах Великого моста. Ведь поет их королева... В последние дни жар-птица подлетает ближе ко мне, садится на ветку засохшего каштана, заговаривает со мной. Хотя, помнишь, она долгое время ревновала меня к тебе. Я смеялась, она злилась, ты успокаивал. Помнишь, как ты ей признавался в любви? Какой глупышкой она была. Неужели она не понимала, что ты к ней всегда будешь ближе?! Ведь она прилетела из твоего детства... Она твоя спасительница... Сейчас жар-птица, опустив голову с бордовым хохолком, говорит: „Не верю, что он забыл меня. И тебя тоже. Для меня нет преград – могу найти его где угодно, когда угодно. Не хочу навязываться. Он уже не маленький мальчик. Может, я ему больше не нужна?“ С ее глаз каплют фиолетовые слезы. Звонко, словно льдинки, спадают на зеленую траву, через мгновение превращаясь в прозрачную росу...

Ты не появляешься четвертую неделю. Почему? Что случилось? Заболел или вернулся на родину? Я не умею гадать. Лишь однажды вычитала в книжке о гадании по ромашке. Но отыскать ромашку в холодный сезон в Стамбуле сложно... Да и в принципе не ищу я. Не верю в гадания. Зато верю в солнечные мосты между душами людей. По ним всегда можно отыскать друг друга. На это нужно мало времени.

Иногда много. Очень много... Вижу мост между нашими сердцами. Пока не иду по направлению к тебе, так как верю в твое скорейшее возвращение. Я говорю это жар-птице. Она верит. Но боюсь, чаша ее веры скоро высохнет. Поэтому возвращайся. Возвращайся и скажи, вернешься ли ты вновь. Объясни. Обычно никогда не требую от людей объяснений. Все равно объяснения – это правдивая ложь. Она рождается не в душе, а в разуме. Значит, в ее искренности можно сомневаться. Но сейчас мне, то есть нам, нужны эти объяснения. Это лучше, чем молчание...

...С минувшей среды рисую твой портрет. Пока карандашом. Пока на обычной белой бумаге. У тебя красивое лицо, чок нурлудур²⁵. Его приятно рисовать – карандаш буквально скользит по листу, ластик легко стирает лишние штрихи. Одним словом, происходит какое-то волшебство. Я рисую тебя на фоне Босфора и Святой Софии. Я знаю, ты любишь эти изюминки Стамбула. Они – отражение твоей души... Возвращайся скорее. Скучаю по твоей улыбке. Скучаю по глазам Айдынлыг. И жар-птица скучает. Не обижай ее. Возвращайся быстрее, иначе скоро не застанешь меня здесь. Не застанешь в Стамбуле. Я уезжаю в Анкару, поступать в художественную академию. По твоему совету... Мама утверждает, что ты непременно вернешься. Ей верю. Она на небе, оттуда все видно...

Обнимаю тебя, мой добрый друг! Пусть Аллах осветит твой путь. Путь к нам с жар-птицей. И не только... Прощай! Обожающая тебя Гюльбен с не менее обожающей тебя жар-птицей на плече.

---

²⁵ Очень лучезарное (турец.).

P.S. Отыскала по твоей рекомендации „Игру в классики“ Кортасара. Нравится. Слишком много безысходности между строк. Восхищена Магой...»

* * *

«...За окном снег, а в душе осень. Желтая, пропитанная запахом жареных каштанов, наполненная звуками громко бьющихся влюбленных сердец и скрежетом трамваев. Не люблю зиму, когда внутренне живу в осени. В таком состоянии зима для меня – ошибка природы. По меньшей мере... А осень я не люблю, когда нахожусь в ожидании. В ожидании человека, без которого моя осень блекнет. Я нахожусь в ожидании тебя. Все еще жду, надеюсь, оглядываюсь. Седьмая неделя без тебя. Седьмой понедельник без тебя. Я даже не знаю, где ты живешь. Где тебя искать. Стамбул огромен – в нем затеряться проще простого. Поэтому Стамбул не любят одинокие люди – они бегут из этого города или излечиваются от одиночества. Ты излечился... Грущу в своей осени. Вчера отыскала на окраине Кадыкёя небольшое деревце, не тронутое холодами. Пара листьев на нем все еще зеленые. Сорвала их, отнесла домой, подсушила. Купила желтую краску и весь день занималась тем, что аккуратно перекрашивала эти листья в цвет осени. Из сочно-зеленых они стали темно-желтые. Как в пору ранней осени. Потом вся измазанная, долго сидела за столом, рассматривая листья на столе. Удалось сделать осенним свой окружающий мир. Теперь он гармоничен с моим внутренним... Жар-птица с прошлого понедельника не появляется. Два дня ее искала. Тщетно. Лишь бледно-красное перышко лежало на мокрой скамейке. На скамейке, где мы сидели вдвоем. Ты, я, жар-птица... Надеюсь, она отыскала тебя в гуще Стамбула. Я хочу верить в то, что она не разочаровалась. Я хочу верить в то, что она сейчас преданно сидит на твоём плече, шепча в ухо колыбельную из утраченного детства... Завтра очередной понедельник. Вновь приду на нашу вершину. Если даже снег усилится... Я не могу не прийти. Ведь это мой последний понедельник в Стамбуле. Моя последняя возможность пообщаться с другом – получить твоё благословение, уехать в Анкару... Обнимаю тебя, мой добрый друг. До встречи!

P.S. Сегодня ночью, иншаллах²⁶, дочитаю „Игру в классики“. Осталось 74 страницы. Мага чем-то похожа на меня. Но я боюсь той любви, которая захватила ее... Она беспощадна.

P.S.S. Твой портрет рисовать закончила...»

* * *

«...Думал, научился уживаться с собственным прошлым. Оно бурным потоком влилось в пространство моей тени, не нарушая ее четкие границы. В составе тени прошлое следовало за мной рядышком. К нему привык. С трудом, но привык. Даже пару раз обращался к прошлому за советом, когда настоящее пересекалось с эпизодами из „архивов“ минувшего времени. Но ровно семь недель назад настоящее в ухмыляющихся масках прошлого снова нанесло удар. Неожиданно. Болезненно. Не хочу загружать твою светлую голову грустными эмоциями. Пересказывать произошедшее не имеет смысла... Главное другое. Я покидаю Стамбул. На время. Мое родное стамбульское солнышко, прочел твои письма, оставленные в пустом стволе засохшего дерева. Читал, не сдерживая слез. Читал, понимая, насколько большей частью моего настоящего ты являешься! Мой добрый друг, за время моего отсутствия на нашей вершине много размышлял, болел. Болел душевно. Болел, думая о тебе с жар-птицей. Она, к сожалению,

---

²⁶ Даст Бог (араб.).

нию, так и не отыскала меня. Подумала, наверное, я отказался от нее. Как можно отказаться от детства?!. Сейчас, покидая Стамбул, даю тебе слово отыскать жар-птицу. Вместе с ней вернусь сюда. Если тебя не будет, приеду в Анкару. Молодец, последовала моему совету. Ты станешь великой художницей Турции... Сейчас, покидая Стамбул, боюсь признавать, что опять убегаю. Убегаю от самого себя. В принципе признавать что-либо пока бессмысленно. Время покажет... Когда ты будешь читать это письмо, солнышко, меня уже не будет в городе моей души. Улетаю в Баку через час. Там ждут... Целую твои глаза. Обнимаю крепко-крепко. Счастья тебе. Не забывай. До встречи!

P.S. Ты лучше „кортасаровской“ Маги...

P.S.S. Портрет непременно оценю. Иншаллах, уже в Анкаре... Айдынлыг на время оставляю тетушке Нилюфер. Присмотрит за ней...»

8

*...Собачья душа горела от тоски.
Моя душа горела еще сильнее...*

Прощаться со Стамбулом тяжело. Даже на время. Город души открыт для прибывающих людей. Быстро привыкает к новым героям. Полюбит, поможет. Поэтому расставаться Стамбул ненавидит. По-детски хмурится, в зрачках кипит обида, на лице бледная маска недовольства. Стамбул – город любвеобильный, преданный. Привык видеть в собственном царстве всех своих жителей. Наблюдает за ними. Каждого любит за определенные черты характера. Когда какой-либо из гостей прощается, Стамбул плохо переносит утрату...

...Еще немножко – и снежная метель подняла бы с замерзшей земли такси. Седовласый шофер со шрамом на правой щеке внимательно вглядывался в дорогу, подбирая степень освещения автомобильных фар. Жутко волновался перед дорогой – от напряжения отключил радио. В городе души давно не было такой буйной погоды. Хлесткий ветер. Колючий снег, сменяющийся моросящим дождем. Босфор бесится от злости – за утро громадные волны потопили два судна в бухте. Когда Стамбул разгневан, Босфор пребывает в аналогичном состоянии. Стамбул – брат старший, Босфор – младший. Почти близнецы – одно самочувствие на двоих.

Не хотел предавать отъезду напыщенность. Надеялся, атмосфера Стамбула разбушевалась не из-за моего отъезда. Но факт остается фактом: как сел в такси, погода со спокойной сменилась на агрессивную. «Огулум, Стамбул гневается, не уезжай. Останься...» – тетушка Нилюфер вытирала слезы клетчатым платком. Она стояла у подъезда, провожала меня. Рядом жалобно поскуливала Айдынлыг. Пора ехать... Когда послышался шум мотора такси, частичка моего стамбульского счастья сорвалась с места. Лая, побежала за машиной. Мое сердце готово было разорваться на мелкие кусочки... «Арабаи дурдур!»²⁷ – крикнул таксисту. Резкий тормоз.

Открываю дверь. Обнимаю Айдынлыг, прижимаю к себе мохнатую шею. Шерсть пахнет лавандой – вчера купал новым шампунем. Плачу. Айдынлыг тоже. Собаки могут плакать... Тетушка Нилюфер, увидев собачью тоску, заплакала еще громче. Не хотел увозить Айдынлыг в другой город. Стамбул – ее ангел-хранитель. Без него никак нельзя... Обхватил ладонями мордочку Айдынлыг, слегка потискал, посмотрел в полные боли глаза. «Родная, вернусь. Обещаю. Очень скоро. Слышишь, обещаю!» Как только выговорил последнее слово, Айдынлыг, облизнув мой нос, развернулась и медленными шагами направилась к тетушке Нилюфер. Снежинки таяли на коричневой шерсти. Собачья душа горела от тоски. Моя душа горела еще

---

²⁷ Останови машину (турец.).

сильнее... Сел обратно в теплый салон такси. Шофер, увидев меня, смутился. В черных глазах стояли слезы...

...Авиалайнер взмыл в воздух. Аэропорт Ататюрка с каждой секундой уменьшался в размерах. Грузовые машины на полосе видоизменялись в движущиеся черные точки. Снежная метель не прекращалась. Худошавая стюардесса предложила кофе. «Нет, спасибо». Комок в горле разбухал. Вот-вот перекроет дыхание... Одолевали сотни мыслей. Никаких эмоций. Исключительно мысли. Мысли о Стамбуле, Босфоре, тетушке Нилюфер, рыжеволосой Гюльбен, преданной Айдынлыг... Я вернусь. Обещаю.

9

*...Возвращение всегда дарит счастье.
Независимо от того, с каким грузом в душе возвращаешься...*

...Весну в Стамбул приносят журавли. Они – чуток усталые, с поблекшими перьями, глазами кофейного цвета – громким криком влетают в город души. Молодые журавлики шумят от радости. Пожилые журавли – сохраняют молчание. Когда сквозь бежевый туман они замечают Великий мост, то просто плачут. С глаз, наполненных темно-золотой водицей мудрости, стекают слезы. Слезы счастья. Весь долгий путь из Африки они мечтали добраться до Стамбула, чтобы принести в его волшебное пространство первый весенний ветерок. Нежно-голубой ветерок, наполненный ароматом расцветающих тюльпанов, теплотой африканских долин, заливистым смехом толстощекой девочки, раскачивающейся на качелях... Возвращение в Стамбул всегда дарит счастье. Независимо от того, с каким грузом в душе возвращаешься...

В Стамбуле тюльпаны сажают ближе к концу осени. Пока почва не промерзла. Когда я покидал Стамбул, сажать тюльпаны только начинали. Смуглые мужчины разрыхляли маслянистую почву окрестных парков, где совсем скоро поселятся луковицы будущих красавиц... В последний раз в Стамбуле тюльпаны сажали, когда желтое такси увозило меня в аэропорт Ататюрка. В последний раз в Стамбуле сажали тюльпаны, когда я прощался с плачущей тетушкой Нилюфер...

Я уезжал, не веря в возможность скорейшего возвращения. Не верил, что вернусь к приходу теплой поры. Весенней поры, когда расцветают тюльпаны, с ними вместе и мое сердце... Люблю весну Стамбула, потому что следом за ней приходит лето. А следом за летом – любимая осень. «...Осталось ждать недолго. Скоро, родная осень, совсем скоро, всего лишь через один сезон мы встретимся снова...» Эти слова каждый раз произносил, когда замечал первых журавлей – предвестников весны – на крышах городских домов. Они отдыхали, беседовали с Босфором, рассматривали многочисленных голубей с легкой завистью во взгляде. Ведь им не надо куда-то улетать. «А у нас впереди еще перелет в Восточную Европу...» – сетовали журавли в беседе с друзьями-цаплями. Они жаловались, но в душе все равно оставались самыми счастливыми созданиями на свете. Ведь их свобода безгранична...

...Каждый год с приходом весны отправляюсь на рыбалку к низким восточным берегам Мраморного моря. Раньше – один, с недавних пор – вместе с Айдынлыг. Там находится любимое озеро. На его берегах встречаю пеликанов. Они узнают меня. Правда, до сих пор опасаются взбалмошной Айдынлыг. Как только собака подбегает к ним с приглашением поиграть, грациозные пеликаны моментально ретируются, недовольно фыркая. Мол, нас, аристократов, такие игры не забавляют... С мечтой поймать побольше серой кефали располагаюсь на раскладном диванчике. Читаю «Бог мелочей» Арундати Рой, уплетаю булочки с кунжутом, пью айран, прислушиваюсь к еле слышному светскому трепу пеликанов с чайками. Последние жалуются на темперамент Мраморного моря. Он им непонятен. «...Наше море отличается от Босфора. Оно может год быть совершенно спокойным. И вдруг без причины начинает бушевать. Нейтраль-

ного состояния у Мраморного нет. Поэтому нам, чайкам, с ним сложно. Не знаем, чего ждать. Вот, к примеру, босфорским чайкам здорово повезло... Босфор добрый, щедрый, красивый и ну очень романтичный... Одним словом, мечта!..»

Айдынлыг тоже ждет, любит весну. Как только в Стамбуле расцветают тюльпаны, мы ежедневно в обеденное время, когда я свободен от работы, выходим на прогулку. Айдынлыг останавливается перед разноцветными полями тюльпанов, восхищенно лает. Затем поднимает голову, смотрит на меня полными счастья глазами. Мол, посмотри, какая красота! В этот момент я понимаю, какое чудо подарила мне судьба. Подарил мне Босфор. Айдынлыг – половинка моего сердца. Половинка искренняя, добрая, верящая в чудеса... Покупаю тюльпаны, возвращаюсь домой, ставлю их в вазу.

В квартире моментально поселяется оптимистичный дух пришедшей весны, разгоняющий морозный воздух ушедшей зимы...

...Словоохотливый «бомбист» едет по направлению к аэропорту. До отлета остается два с половиной часа. Через несколько часов наконец-то встречу со Стамбулом... С весенним Стамбулом... Я возвращаюсь!

* * *

«...Если бы ты была сейчас в Стамбуле, я подарил бы тебе тюльпаны. Они расцвели на прошлой неделе. Город моей души пропитался их дурманящим ароматом. Вдыхаешь, и кажется, что мечты обязательно сбудутся. Мечты принимают реальные очертания. Прежняя размытость исчезает... Я избегаю желтых тюльпанов. Они потрясающие, но в их аромате живет грусть. Грусть, похожая на тоску по любимому человеку... Я подарю тебе красные тюльпаны. Наверное, ты знаешь, что во времена Османской империи ими оживляли усопших. Еще бабушка Пярзад рассказывала, что стоит во время восхода солнца понюхать красный тюльпан и самая заветная мечта станет реальностью. Если бы ты была сейчас в Стамбуле, мы бы вместе встречали рассвет, наслаждаясь тюльпанами. Тогда наши мечты сбылись бы...

...Гюльбен, джаным²⁸, отчасти мне удалось вернуться благодаря тебе. Как приехал, первым делом пошел поздороваться с Босфором. Он сначала дулся, сказал: „Боялся больше не увидеть тебя“. Рассказал ему обо всем произошедшем. Он понял. Помолчал минуту, потом прижал к себе крепкокрепко. „Скучал, аби?²⁹“ Так он сказал. Я с трудом сдержал слезы... Посетил нашу вершину. Да-да, Чамлыджу. Надеюсь, не забыла? Будучи там, протянул руку к небу, пощупал мягкие облака. Встретил твою маму. Она излучала спокойствие. Улыбнулась, пошутила: „Из-за тебя немало переживала моя дочурка. Куда ты исчезал, сынок?“ „Вам не надо всего рассказывать. Вы ведь на небе. А оттуда все видно...“ Мой ответ был таков. Она поцеловала меня, как мама, прошептала: „Обернись, тебя уже ждет кое-кто“. Я обернулся. На цветущем каштановом дереве сидела моя дорогая жар-птица. Такая же красивая, с пушистым хохолком, золотым клювом. От радости она светилась, словно бриллиант при вечернем свете. Попросил у нее прощения. Попытался объяснить, зачем покинул город души. „Не надо слов... Я все знаю... Малыш, я всегда рядом с тобой... Ты можешь меня не видеть... Иногда становлюсь невидимой, чтобы не мешать тебе... У меня одна просьба... Не исчезай больше... Научись быть счастливым!“ Честно сказать, мне стало стыдно. Я опустил голову. Жар-птица, взмахнув крыльями, слетела с ветки каштана, села на мое плечо. Прижал ее ладонью к себе. Как хорошо снова быть в Стамбуле...

...За прошедшие месяцы не писал писем. Совру, если скажу, что времени не было. Боялся. Вот в чем причина. Боялся сделать больно. Потому что на тот момент мне больше

---

²⁸ Душа моя (турец.).

²⁹ Брат (турец.).

всего хотелось написать тебе всего четыре слова. „Не жди меня, прошу, забудь“. Тогда думал, больше никогда не вернусь сюда. За прошедшие месяцы часто покупал билет до Турции, возвращался домой и... сжигал его в камине. Смелости вернуться в Стамбул не хватало. Да и слишком многое держало меня вне Стамбула. Люди, обстоятельства, события... И наконец, вне Стамбула меня держала ОНА. В реальности она прогоняла, вторила – живи своей жизнью, ты не обязан быть со мной. Я молчал. Хотел уехать. Ноги не шли. Любил ее. До сих пор люблю. Хотя она покинула этот мир... Когда ее не стало, я днями напролет лежал в когда-то нашей с ней спальне. Задавался вопросом. Неужели прошлое никогда не отпустит меня обратно в Стамбул? Оно вцепилось мертвой хваткой... В итоге смог оторваться, так как жить без вас невыносимо. Без тебя, Гюльбен, Нилюфер, Босфора. Наконец, без самого Стамбула... Меня подтолкнула мама. В один дождливый день собрала мои вещи, посадила в такси, всучила в руки билет: „Езжай. Обрети себя заново, балам!“ Произнесла важные слова, поцеловала, заплакала. Дверь такси захлопнулась... И вот я снова с вами... Мама-Скорпион всегда одолевала мою нерешительность. И в этот раз она опять помогла... Я в Стамбуле. В этом ее заслуга. В этом твоя заслуга. В этом заслуга многих. Ваша любовь перетянула меня обратно сюда... Теперь жизнь совсем другая. Стал сильнее. Еще сильнее...

...Соскучился. Хочу увидеть твои глаза, мое стамбульское солнышко. Напиши ответ, приезжай в Стамбул. Красные тюльпаны ждут тебя... Говорят, в Анкаре они пахнут иначе... Целую. Обнимаю. Твой возвратившийся друг».

10

...Когда двое смотрят на луну с разных концов земли, они непременно встречаются взглядами...

...Ночной Стамбул расшит кружевами. Кружевами страсти, волшебства, шумного молчания. С наступлением ночи для своих жителей Стамбул делится на две, совершенно отличные друг от друга дольки. Для кого-то превращается в эпицентр барабанного ритма, мерцающего неоновом свете, загорелых тел, движущихся в желто-бордовом тумане дискотек. Для кого-то становится теплым убежищем. Убежищем, похожим на укромное местечко в одной из больших скал Мраморного моря. На ночном небе бриллиантовые звезды, оранжевый свет полыхающего костра, треск поленьев смешался с шумом прибоя. Рядышком, совсем близко – частичка тебя. Смотришь в любимое лицо, понимаешь, что сейчас тебе наплевать на все происходящее за пределами вашего мирка. Мирка для двоих...

В ночном Стамбуле витают тысячи терпких запахов, разных степеней насыщенности. Замираю на центральной площади города души. Вдыхаю витающие в воздухе многоцветные ленточки запахов. Согревающий душу аромат, прилетевший с апельсиновых плантаций на окраине Анталы. Отмеченный специями запах горячего чечевичного супа в темно-красной кастрюльке на кухне одной из уютных квартир Кадыкёя. Дым сигарет – тайком от строгих домохозяек ее раскуривает старенькая зеленоглазая бабушка Сезен в инвалидной коляске. Дурманящий флер золотого «Жадора». Им обрызгивается поп-дива Хулия Авшар перед очередным эфиром на канале «D». Цитрусовый запах упругой кожи двадцатидвухлетней турчанки, засыпающей в горячих объятиях любимого... Запахов тысяча. По ночам они наслаждаются свободой. Вылетают из окон сотни домов, устремляются в центр города, смешиваются в единый пушистый клубок...

...Царица ночного Стамбула – луна. Она везде разная. В Москве немного зловещая, в Тбилиси маленькая, беленькая, как будто улыбающаяся, в Баку отдаленно-очаровательная, в Таиланде – чересчур беспокойная. Стамбульская луна умиротворенная. На ее поверхности не кипят вулканы страха. Если над ней пролетают длиннохвостые кометы, то они мгновенно

разлетаются на оранжево-бордовые крупички, окутывая стамбульскую луну изумрудной пылью...

Грубые космические булжники облетают царицу ночи стороной. Она защищена. Защищена сотнями любящих сердец. Их тепло заставляет луну забыть о собственном небесном одиночестве. Тетушка Нилюфер искренне любит царицу ночи. Ждет, любит, восхищается. Она называет ее «отражением глаз». «Когда двое смотрят на нее с разных концов земли, они непременно встречаются взглядами», – объясняет моя турецкая богиня, наслаждаясь турецким кофе с яичным желтком. Она готовит его исключительно в полнолуние. «В это время такой кофе превращается в эликсир силы. Выпьешь кружку, душевные раны моментально заживают, сотни капель невыплаканных слез прорвутся наружу соленым потом», – рассказывает Нилюфер, растирая яичный желток старинной серебряной ложкой. Тем временем Айдынлыг замороженно следит за процессом, потихоньку засыпая в бежевом тоннеле лунного света. Он проник в квартиру из большого окна гостиной, создавая магическую ауру...

Как только тетюшка Нилюфер засыпает в кресле-качалке, я, укрыв ее синим пледом из козьей шерсти, отправляюсь по темным улицам на встречу с Босфором. В полнолуние мой романтический друг с нетерпением ждет гостей. Он боится оставаться наедине с луной. Потому что она могущественна. Она царица – недосыгаемая, властная, сильная. Стамбульская луна легким движением руки правит босфорской водой. Вызывает приливы, отливы. «Я слишком самодостаточен, чтобы повиноваться ей. Чертовка пользуется властью... Ненавижу отливы. Ведь таким образом я отдаляюсь от берега. Берега, где ты, Айдынлыг, и еще много моих друзей», – думается Босфор, хмурясь, как обиженный ребенок. Меня смешит ругань Босфора. Напеваю ему слова из известной песни: «...боль тем и полезна, что заставляет двигаться дальше». Босфор возмущается пуще прежнего: «Ты издеваешься?! Лучше бы подсказал, как загнать злюку за толстые облака. Мне не больно. Просто не терплю, когда мною помыкают!» Опускаю голову, чтобы друг не заметил улыбки. Когда Босфор злится, он становится еще более очаровательным. «Родной, луна вовсе не властная, как ты думаешь. Просто она выполняет возложенную на нее миссию. У нее она своя, у тебя – своя. К примеру, ты излечиваешь одинокие сердца. Она же вдыхает в слабых силу, в ущемленных – надежду. Лучше смиришься. Луна пробудет в гостях недолго. Не забыл, что говорят турки? Гостей надо принимать как божьих посланников».

...Сажу на безлюдном берегу, успокаиваю Босфор. Сказанное оказывает действие. Волны постепенно исчезают, пена от них превращается в пузырьки. Недовольная гримаса сменяется прежним спокойствием. Подхожу к нему ближе, крепко обнимаю. Шепчу на ухо: «Ты не такой, как все. Ты удивителен. Ты всегда с нами. И мы всегда с тобой!..» Босфор засыпает. Возвращаюсь домой. Царица ночи медленно исчезает. Темные краски сменяются светлыми... Приходит рассвет...

11

...Родина прекрасна в картинках болтливого телевизора – всегда можно переключить канал...

...Добраться до мечты – значит пройти тест на выносливость. Почему-то заполучить мечту с легкостью нереально. Непременно преодолеешь непреодолимое. Только тогда шоколадные тучи рассеются, выйдет мандариновое солнце. Звучит сказочно. Так на самом деле... Дорога до Стамбула пролегает сквозь преграды, постижения. На эту дорогу вступают лишь те, кто решил привязать сердце к сердцу Стамбула. Привязать красно-бордовыми капиллярами, невидимыми венами. Они переполнены нектаром желания. Желания познать себя... Мой город, который правильнее именовать «родиной», отпускал меня тяжело. Баку – город

верный. Такой же искренне-верный, как мусульманская женщина. Баку стерпит многое во имя верности. Даже простит предательство одного из своих. Лишь бы это был Свой...

Когда тонкий билет в другую страну ждет регистрации, а чемоданы лежат наготове, у Баку замирает сердце. Он и так пережил массовый отплыв лучшего с последующим наплывом худшего. С тех пор каждый отъезд остатков лучшего наносит кровавые удары. Баку плачет тайно. В себе. Баку чаще плачет от горя, чем от счастья. Просто слезы почти незаметны – высыхают под налетами каспийского ветра. Мое прощание – не предательство. Мой отъезд – побег к самому себе. Как жить без собственной тени?..

...Когда до отъезда в город души остаются два месяца зимы и один месяц весны, невидимые хранители Баку направляют на меня армию переубеждений. «Обалдел, в Стамбуле дорогая жизнь! Турки – хорошие актеры плохого театра. У них великолепная внешняя культура. Внутренняя – ноль». «У тебя здесь друзья, родня. Зачем там жить одному?! Хорошо, пусть не одному, но без нас, любимых родственничков, во всяком случае». «Там нет того постоянства, что есть в Баку. Там все слишком быстро». Снегопад наставлений заносит, дышать сложно, губы обморожены, в голове сумбур из разноцветных снежинок. Бегу от непогоды. Ноги в серых унтах утопают в снегу. Падаю, поднимаюсь. Все равно продолжаю путь. Достигаю цели. Снег сменяется солнцем. Теперь тепло...

...Родина прекрасна на расстоянии вытянутой руки. Родина прекрасна в картинках болтливового телевизора – всегда можно переключить канал. Родина прекрасна, когда в руках авиабилет в будущее, с обязательным возвращением в настоящее. За яркой надписью «родина» непременно фон из субъективных красок. У каждого родина своя. У кого-то она начинается с «картинок в букваре». У кого-то начинается с чего-то своего, индивидуального. Так на самом деле...

...В мониторе белоснежного «Apple» всплывают голубые окошки с фиолетовыми словами. Пересекая виртуальную галактику, они дотрагиваются до сокровенных участков души. Пишут любимые, плюшевые ребята. Они – Свои. Для дружбы расстояние – пустяк. Вчитываешься в каждое слово десятков раз, словно не можешь напиться эликсиром счастья. Тебя накрывает соленой волной, к глазам подступают прозрачные слезы. Щеки краснеют, словно под кожей лица разлился бурачный сок. До приезда друзей остался один месяц осени и два месяца зимы. Совсем скоро будешь обнимать, целовать их в суетливом вестибюле аэропорта Ататюрка. Совсем скоро Новый год. Мой очередной Новый год в Стамбуле. Совсем скоро счастье преодолеет расстояние. Это не сказка. Так на самом деле...

12

...Убегать от самого себя – значит убегать в неизвестном направлении...

...Вне Стамбула закрывался на замки. Тысяча замков, замочков. Тысяча замочных скважин. Думал, убегаю от людей. В действительности убегал от самого себя. Без видимых причин. Просто так комфортнее. Безболезненно... Город, где я родился, похож на Стамбул. Город, из которого убежал, душевно совсем не похож на Стамбул. Он не хуже, не лучше. Он другой, не такой, как я. Стамбул ведь мой брат-близнец. С таким же количеством лабиринтов в душе, с таким же восточным гулом, с таким же запахом моря в порах имбирной кожи...

В Стамбуле осознал, что убегать от самого себя – значит убегать в неизвестном направлении. В Стамбуле понимаешь – жизнь подогнуть под себя невозможно. В Стамбуле воспринимаешь жизнь такой, какая она есть. Ее – жизнь – лишь можно немного подкорректировать. Направить в нужное направление. В Стамбуле открылись замки моей души. Но я не изме-

нился. Изменилось восприятие. Появилась невыносимая легкость бытия. В общем же многое по-прежнему...

...Когда моросит дождь, привычная меланхоличность Айдынлыг исчезает. Она просится на прогулку, вставая передними лапами на деревянный подоконник. Высунув красный язык, рассматривает мелкие дождевые капли на стекле, с надеждой поскуливая. Знак учтен. Надеваю темно-коричневое пальто, беру поводок, идем на встречу с Босфором. Айдынлыг, как и я, Рыба по гороскопу. По примерным подсчетам. Она так же, как и все Рыбы, любит мокрую погоду...

Перебираясь сквозь узкие переулки города души, пахнувшие чем угодно, только не болью, слышу туманную беседу чаек с духами османского прошлого Стамбула. Если верить историям тетюшки Нилюфер, прозрачно-облачные тени с синевато-серыми глазами до сих пор витают над городом души, облачившись в яркие, разноцветные одеяния. «Когда Стамбулу больно, духи спасают его. Когда Стамбул оплакивает землетрясения Турции, они поддерживают, вселяют надежду. Слышу их. Ты тоже услышишь. Как только встретишь первое затмение в Стамбуле...» Теперь хранители города души – мои частые спутники. Различаю контуры тучных фигур, улавливаю запутанно-древний турецкий, заряжаюсь задорно-хриплым смехом после островосточных шуток. Хранители города души – пожилые, пузатые дядечки с завывающими на концах усами. Добродушные, забавные развратники. Ценители женской красоты, не любящие курдов, уважающие отвагу. У них есть запах – слабый, не едкий. Пряный, с оттенками шафрана, кардамона, мяты...

Хранители уважительно называют меня «ходжам», хотя я младше по возрасту на целые века. Не похож на них. Ни духом, ни внешностью. У меня нет бороды, нет пропахшей нафталином мудрости, нет власти, нет... турецкого гражданства, наконец. Нас объединяют только две ветви происхождения – религия, менталитет. Может, они ценят меня за что-то другое? За преданность городу души?.. Айдынлыг тоже чувствует духов. Нередко злится на них. Облаивает с нескрываемой обидой. Они, невидимые создания видимого пространства, шутливо дергают Айдынлыг за хвост, называя ее «прекрасным четвероногим созданием с одним хвостом»...

...Пока мы добрались до Босфора, дождь прекратился. Теперь о нем напоминали сырая шерсть моей собаки, потемневшие каменистые дороги, оставшиеся позади. Мы обнялись с Босфором, завели милую беседу о своём. Тем временем Айдынлыг что-то раскапывала на берегу. Шайка духов внимательно наблюдала за ее раскопками, будто там, под большим слоем мокрого песка, затаилось их далекое, историческое прошлое...

Часть II

Люди города души

*...Где от зари и до полночи
Перед душистым наргиле,
На ткань ковра уставя очи,
Сидят «народы» – на земле...*

1

*...Женщины – одна, особая нация.
Сильная, выносливая в любых обстоятельствах...*

...Слушая их, понимаешь, что турецкая женщина – такая же женщина, как и русская, американская, европейская. Вне зависимости от социального положения, вероисповедания. Женщины – одна, особая нация. Сильная, выносливая в любых обстоятельствах...

* * *

...Ей двадцать восемь. Не стесняется возраста. Гордится. У Айше светло-каштановые волосы, голубые глаза, белоснежная кожа. С веснушками. Неспроста, наверное, Айше, как и я, родилась весной – 9 марта... На левой щеке светло-коричневое родимое пятно. По форме напоминает тающую снежинку. Говорю ей об этом. Она задорно смеется, обнажая белые, ровные зубы. Предлагает называть ее «Кар кызы». Снегурочкой. Я против. Ведь, она совсем не холодна. Наоборот. Теплая, цветущая, с легким прикосновением духов к мягкой коже...

Мы знакомы два года, три с половиной месяца. Для дружбы – смешной срок. Для нас сроки – такая же чушь, как другие подобного рода условности. Если мы не видимся, то пишем друг другу бесшабашные эсмэски. С необременительным текстом. В каждой букве – флюиды тепла. В каждой букве – сумбурные чувства из насыщенно-желтого шербета. Своеобразный обмен счастьем. Когда недостаток счастья ощущается в ком-то из нас, он моментально его получает. Не важно, каким путем, способом... Мы вместе смотрим «Love Actually», таем от переполняющих нас гармонии, любви, надежды. Мы вместе гуляем по улицам Таксима, фальшиво напевая песни Кянаана Догуюлу. Нас вдохновляют наполненные теплом взгляды прохожих. Некоторые из них подпевают. Некоторые пританцовывают... Мы бесимся под неоновые дэнс-ритмы в туманном клубе до шести утра. Затем спешим полакомиться свежей рыбой в прибрежном ресторанчике. Вдыхаем свежее приветствие утреннего Босфора... Наша дружба разрисована гармоничным восприятием мира. У нас схожие вкусы. наших мам зовут одинаково...

...Айше отказывается от золотистой пахлавы. Сетует на возрастающие килограммы. Выбирает мандариновый сок. Оранжевого цвета, с капельками ледяной прохлады на стакане. Я уплетаю пахлаву с густым турецким кофе. Разглядываю ее. Современный, солнечный комочек счастья, большие глаза, нос с аккуратной горбинкой. Рассказываю Айше о том, что в мире многие считают турчанок не такими яркими, современными, как женщин в той же Европе. Существует стереотип, что турчанки до сих пор облачаются в чаршабы, не притрагиваются к бровям до замужества, молятся с утра до вечера, не признавая цивилизацию. Она кивает головой, улыбается, положив руку с короткими розовыми ногтями на шею. Айше внимательно слушает. Совсем не удивляется моим словам. Наконец отвечает: «...В курсе таких разговоров. Часто натыкаюсь в Интернете на подобные выводы о турчанках. Знаешь, не могу сказать,

что эти домыслы беспочвенны. Турция, как и твоя родина, мусульманское государство. У нас менталитет совсем не такой, как в Европе. Не смотри на Стамбул, здесь многое европеизировано. В отдаленных регионах Турции ситуация иная. Там большинство женщин покрытые, их права нарушаются. Некоторые семьи строго исповедуют исламские традиции... Не стесняемся говорить об этом. Это наш народ, наши взгляды, наше вероисповедание, в конце концов. Но в целом, конечно, те домыслы о турчанках, распространенные сегодня в не мусульманских странах, преувеличены. Все не так запущено. С годами многое меняется к лучшему!»...

* * *

...Ей тридцать семь. Мы с ней на «вы». Хотя давно могли перейти на «ты». Она верит в Аллаха. Совершает пять раз в день намаз, соблюдает орудж³⁰, посещает мечеть. Мы не только друзья, но и коллеги. Шинай-ханым – мой редактор. Кареглазая толстушка с длинными темными волосами. Обожает серебряные изделия, божественный кулинар, имеет дальние азербайджанские корни. Одна воспитывает одну дочь – Синем. Ее личная жизнь не покрыта бархатной завесой тайны. Ее личная жизнь на ладони. Вышла замуж по любви, с годами муж стал не воспринимать ее приверженности к религии. Спустила десять лет развелись. Тихо, без скандалов. «По всему миру женщин с судьбой, подобной моей, – миллионы. Не комплексую. Можно сказать, горжусь. Выстояла, вернулась к работе, обеспечиваю себя, дочь... Вряд ли когда-нибудь выйду еще раз замуж».

В Шинай замечаю много схожестей с моей мамой. Она тоже Скорпион. У нее такой же встревоженный взгляд, такие же красивые руки с крепкими ногтями... Мы не смешиваем работу с дружбой. Вне работы иные – сплоченные, спокойные, сдержанные. Часто собираемся друг у друга. Болтаем, смеемся, готовим, курим кальян, умиляемся искренней дружбе Синем с Айдынлыг. Не затрагиваем тему религии. Я верю в Бога, не верю в религию. Она верит в Бога, верит в религию. Ее религия осовременена, если так вообще можно сказать о религии. Мы разные люди разных взглядов. Это нормально. Такое бывает...

...В доме поет наша любимая певица Нилюфер. Последний диск. Вместе с Синем очищаю от шкурок каштаны. Растолстевшая Айдынлыг расположилась у ног. Тем временем Шинай колдует у плиты. Поджаривает на курдючном жире лук, снимает пену с мясного бульона. В кипящих недрах бултыхаются бледно-зеленые шарики алычи. Сегодня готовим кузу чорпасы. Роскошное блюдо с уймой холестерина. Вредно, но вкусно...

При готовке моя турецкая подруга сдабривает пищу историями из собственной жизни. Вкусно, патриотично, капельку грустно. «...Становится смешно, когда слышу, что турчанки – для многих забытые женщины с тяжелой ношей ислама. Мы такие же женщины, как и все женщины. Со своим счастьем, любовью, страданиями, радостями. Да, я верующая. Горжусь этим. Верю в Аллаха всем сердцем. Он, кстати, многое мне прощает. Я не покрываю голову, курю кальян, не прочь выругаться. Ну, скажи, как, работая редактором, можно быть безгрешным? Главное – душой, совестью чиста перед Всевышним. Если я хожу в мечеть, это не говорит о моей отсталости. Это моя вера... Я – женщина Турции Ататюрка. Он был первым нашим президентом, в значительной степени изменил положение женщин. С 1923 года женщины стали избираться в парламент. Затем при нем вышел закон о единобрачии... Сегодня турчанки такие же полноправные граждане страны, как и мужчины. Хотя в других городах Турции проблема нарушения прав женщин, конечно, есть. Увидишь, со временем она сойдет на нет...»

---

³⁰ Священный пост у мусульман. Он предусматривает воздержание от приема пищи в дневное время суток в месяц Рамазан как подчинение предписанию Аллаха.

...В бульон добавляются каштаны, мелко нарезанный укроп, душистый чабрец, ватные куски отварного мяса ягненка. Шинай готовит чобан-салаты, взбивает миксером айран. «Ребята, к столу!»

2

*...Какая разница, о чем или о ком?
Неужели, чтобы выговориться, требуется повод?..*

...Город души не окутан исключительно дымкой идиллии. Стамбул, как и все бурлящие мегаполисы, предоставляет шанс стать счастливым немногим. Десятерым из сотни. Стамбул – как лотерея. Или совсем не везет, а если везет, то крупно. Узнаешь о выигрыше не сразу. Чтобы заветный штрих-код стерся, нужно время. Первый день, неделя, месяц в Стамбуле обманчиво безоблачны. Колорит Востока, шум прибоя под аккомпанемент чаек, звучание азана, свобода порывов, могущественная Голубая мечеть... За умелой декорацией сказочного Стамбула затаилось жестокое закулисье большого города. Та самая оборотная сторона медали. Она есть у всех. И у людей, и у городов...

...Бездомные кошки его лучшие друзья. Он кормит их остывшим мясом донера – на утренней прохладе коричневые кусочки покрываются мутно-белым налетом. На откусанном хлебе контуры его помады – жирно-фиолетовой, с блеском... Кошки на улицах Стамбула – толстозадые богини с сытыми глазищами. Настоящие аристократки. Один раз прогонишь – второй раз не подойдут. Развалятся на капоте припаркованной машины, будут сверлить взглядом, мол, жадина-говядина, мог бы угостить... Лохматые создания верны ему. Их не волнует, какой он сексуальной ориентации, какая боль затаилась в душе, какая болезнь обостряется в засыхающих венах. Для них он – друг-кормилец... Одна полысевшая рыжая кошка расположилась на плече, облокотившись толстым телом об его голову в зеленом парике. Менее полная серая бестия нагло уселась на колени, поигрывая со свисающими, бордовыми бусами. Он курит сигарету. Жадно затягивается. Шмыгает носом. Левой рукой кормит верных подруг. Они вяло разжевывают куски баранины – мяукают, чавкают, высунув кончики языков...

...Он – трансвестит. Их в Стамбуле тысячи. Его зовут Хасан. Называют – Эсмеральдой. Двадцать четыре года. Полноватый парнишка, совсем не женские черты лица. Сморщившийся шрам на подбородке. Накладные ресницы, тени дождевого оттенка. Много помады. Гладко выбритое лицо под слоем пудры. Белки глаз покрыты тоненькими красными паутинками... Мы познакомились девять дней назад. Во время утренней прогулки с Айдынлыг. Она, любопытная Варвара, подбежала к Хасану, виляя хвостом. Он замер. Спустя минуту протянул бритую руку. Погладил Айдынлыг, грустно посмотрел на меня. «Однажды тоже завел собаку. Дворняжку. Погибла от опухоли, когда мне было двенадцать. На следующий день после моего дня рождения. Ненавижу слово „была“...» – промолвил Хасан хриплым голосом на хорошем турецком.

Заглянул в его глаза. Смятение, усталость, пустота. Больше ничего. Обычно обхожу подобных персон стороной. Не из-за негативного отношения. Между мной и ними – огромная пропасть. Что может нас связывать?.. Совсем недалеко просыпается Босфор, медленно расцветает, солнце готовится к очередному дню. Чувствую, что человек хочет рассказать. Какая разница, о чем или о ком? Неужели, чтобы выговориться, требуется повод? Присел рядом на камень. Айдынлыг ревностно принимает к кошкам. Он предложил сигарету...

...Хасан родом из Тебриза. Два года назад сбежал в Турцию. В летний период работал официантом в Анталии. Пришлось бросить работу. В приличные заведения радикальных транс не берут. Хасан кинулся на поиски счастья в Стамбул. Добрался. Уже год здесь. Снимает комнату на окраине. Скрывается от закона – виза давно просрочена. Хасан счастье в городе души не нашел. Зато нашел немало клиентов в дешевом баре «Generation». «Клиент на кли-

ента не приходится. Кто-то заплатит хорошо, потом отлупит. Кто-то неплохо отблагодарит, но из-под него живым не вылезешь...» Эсмеральда делится без стеснения. «Это жизнь. У каждого она своя. Прав, аби?» Он снова затягивается сигаретой. Умиляется Айдынлыг. Добавляет «спасибо». За что, спрашиваю? «Еще бесплатно меня никто не слушал». Заливисто хохочет. Два крайних зуба золотые... Жестокая правда жизни. Такое бывает...

...Хасан говорит о тоске. По Ирану, «по этой чертовой, дикой стране». Его ностальгия кофейного цвета. На полотне ностальгии – фотографии пожилой мамы. Зовут – Хабиба. Она не смогла принять такого «проклятого» сына. Выгнала из дому, ругалась, кричала «вон», предварительно закрыв дверь, ставни. В Иране нетрадиционная ориентация – смертельный грех. Женщина один сплошной грех, если родила такого сына... Хабиба ругалась, а потом плакала, обнимая Хасана. Целовала, снова ругала... Мать есть мать.

...Стамбул не подарил Хасану счастья. Он так же, как и я, верил в этот город. Увы, лотерея оказалась пустышкой. Выигрыша нет. «Иногда плачу. Плачу наедине с Босфором. Он последняя надежда... Если решу покончить с собою, то утоплюсь в Босфоре. Только он не осуждает. Он, теперь и вы... Спасибо вам. У вас восхитительная псина»...

...Хасан исчез. Испарился в воздухе. Лишь на холодном камне лежал донер с отпечатком его помады. Рыжая кошка готовилась слопать угощение, хотя была сыта. Как-никак ее лотерейный билет сегодня оказался выигрышным...

3

...Пыльца с цветка ее улыбки проникает в меня через дыхательные пути, делая счастливее счастливого...

- Ты скучал?
- Конечно. Ты?
- Нет.
- Ничего для тебя не значу?
- Дело не в этом. Как можно скучать по своей частичке?! Ты часть меня. А частичкам все равно суждено воссоединиться. Что бы ни случилось.
- Спасибо, родная. Почему нам не повезло встретиться раньше?
- Я жила в Анкаре, ты в Баку. Словом, жили вне Стамбула. Именно он связывает сердца, которые должны быть связаны, но по ряду причин порхающие порознь.
- Сейчас мы тоже разлучены. Ты в Анкаре, я в Стамбуле...
- Ты прав. Но теперь, после первого воссоединения, расстояния не помеха. Сорок минут авиаперелета для нитей душ пустяк. Поверь, они могут тянуться бесконечно...
- Скажи, почему не пишешь?
- Так надо.
- Почему? Так дорожу нашей дружбой...
- Мы не должны зависеть друг от друга. Зависимость убивает дружбу. Надо научиться жить друг без друга. Чтобы разлука не становилась болезненной...
- ...хочу получать твои письма. Они другие, сказочные...
- Ты без того их получаешь. В иной форме. Мысленно. Ты проникаешь в мое сознание. Я – в твое. Невольно от нас самих...
- Точно-точно. Знакомые ощущения...
- Кстати, храню твой портрет на столе своей комнаты. Мною же нарисованный. Каждое утро его, то есть тебя, приветствуют лучи солнца. В Анкаре солнце необычное. Не приторное, душистое...
- Поэтому мне так солнечно...

- Так будет всегда. Люблю тебя.
- Люблю еще сильнее, сестричка.

* * *

...Говорит глазами. Живет в себе. На поверхности только вселенская любовь к миру. Она слышит, казалось бы, невозможное. Гул всех морей мира, пение всех птиц земли, движение сонных облаков, писк прожорливых пингвинят. Гюльбен – бескрайний океан звуков. В него сливаются реки жизненных нот. Если бы она стала писателем, то ее слог превзошел бы все слогии мира. Она рисует большие полотна. Каждый мазок – тончайшая деталь мира. Станет ли великим художником? Покажет время.

...Воскресный день с Гюльбен провожу в Эски-хисаре. В удивительном городке на юго-востоке Стамбула. Он отмечен сотней достоинств. Вкуснейшая рыба, завораживающая пристань для яхт, музей Османа Хамди Бея. Работы последнего Гюльбен готова рассматривать сутками. Хожу следом за ней по музею великого турецкого художника XIX века, напоминая о себе, времени, местонахождении. Она не отрывает взгляда от произведений Хамди Бея. Изредка вытирает слезы с бледных щек.

Эти слезы – слезы восхищения. «Когда смотрю на творения Хамди Бея, осознаю всю ничтожность моих каракуль. До творческого масштаба Хамди Бея не добраться. Но, знаешь, хочется сделать попытку...» Рыжеволосая Гюльбен отныне обещает посылать мне лучшие работы. «Когда стану знаменитой, продашь мои полотна, станешь миллионером...» – расцветает она неповторимой улыбкой. Пыльца с цветка ее улыбки проникает в меня через дыхательные пути, делая счастливее счастливого. Неповторимое чувство...

...Последний день перед возвращением в Анкару. Проводим у меня. К нам присоединяется Шинай. Грозится очередным кулинарным шедевром. «Все беру на себя. Продукты купила, батлыджан-эзмеси сделаю заранее, осталось сготовить мусакку. Ты займись гостями. Приготовление пищи беру на себя». В итоге готовим мусакку всей командой. Гюльбен нарезает продольными ломтиками баклажаны, посыпает их солью на полчаса, чтобы горечь вытекла. Я нарезаю лук, обжариваю его вместе с говяжьим фаршем. Остальными процессами – обжаркой помидоров, баклажанов – руководит сама Шинай...

Это была наша последняя встреча с Гюльбен в том году. Спустя семь часов провожаем ее в аэропорту. Долго прощались. Она обнимала нас с Шинай, целовала Айдынлыг в холодный нос. Она уезжала, оставляя в Стамбуле частичку собственной души. Она уезжала, чтобы обязательно вернуться... Звучит сказочно. Но и сказки ведь придумывает жизнь...

4

...Мысли сплетались в единый венок гармонии...

...Дни рождения вне Стамбула утопали в горьком соусе пересоленных обид, подгоревших желаний, засахарившихся порывов жить иначе. Более двух десятков именин, отмеченных до созерцания Босфора, – кино другого формата. Кадры из той жизни – незнакомые изображения чужого человека. Человека с моей внешностью. Не с моей душой. Воспринимаю как пройденный этап. Другая обстановка, цели, побуждения. Теперь жизнь в настоящем с прицелом в будущее...

...Эпизод из той жизни. Шумный джаз-клуб наполнен родными людьми. Задуваешь свечи на трехъярусном шоколадно-персиковом чуде. Задуваешь под фальшивое исполнение «Happy birthday». Каждый год неизменно загадываешь одно желание – Стамбул. Когда загадываешь желание, с недоверием веришь в его реализацию. Сбывается, действует, получается.

Таков результат многолетних испытаний. Верьте в желания – таков мой итог на сегодняшний день. Итог, подведенный в обретенном Стамбуле. Каждая секунда с мыслью о вере – еще один шаг в сторону ее постижения...

...Мои дни рождения в городе души – фонтан искрящегося счастья. День, когда хочется растянуть минуты. День, когда по дому кружит аромат восточных вкусов. День, когда вокруг люди, прошедшие с тобою сложный путь. День, когда вокруг люди, которых обрел на пути к счастью... Подготовка к знаменательному дню стартует за два дня заранее. Первым делом поездка за покупками. Без Шинай – дивы турецкой кухни – не обойтись. Сбегаем вместе из офиса, предварительно отослав секретаршу Мелек на разведку. «Глянь, заперта ли дверь комнаты шефа». Получаем зеленый свет в виде подмигивания. Через мгновение несемся по мраморным лестницам вниз. К выходу. Сдерживаем хохот. Наши руки скользят по холодным перилам, полы пальто разлетаются на легком ветру, в пальцах звенят ключи от машины. Через еще одно мгновение – едем в «Пежо» по направлению к большому базару Стамбула. За окном свежесть утреннего дня. Подростки в разноцветных касках катаются на роликах, пухленькая старушка с лиловыми волосами выгуливает таксу, уса́тый торговец газетами выкрикивает сенсационные заголовки «Хуриета»...

Второй этап начинается вечером, после работы. Собираемся в маленькой квартирке Шинай, где создаются будущие изыски. Айше отваривает рис для пудинга. Афет моет пузатые помидоры для пастушьего салата. Гюльбен, тайком подкармливая Айдынлыг, нареза́ет инжир для десерта ашурэ. Чернобровый корректор Мустафа облива́ется слезами за чисткой лука. Золотистые шкурки разлетаются под вздохами вентилятора. Все работают, за исключением самой Шинай. Она, словно рабовладелец, прогуливается между столами. Пристально наблюдает за процессом. «Гюльбен, доченька, наре́зай инжир маленькими кусками. Ашурэ должен обладать девственной нежностью...» «Не держи рис долго в воде, Айше. Он набухнет, потеряет природную изысканность. Не зря бабушка твердила, „кто передержит рис в воде, у того набухнет совесть“...» «Эй, будущий именинник, а ну-ка бросай халтурить. Разделявай баранину быстро, с любовью. Когда нож долго контактирует с мясом, оно дряхлеет...» Молча повинемся. Повинемся, жалея Шинай. Ведь завтра ей потом обливаться у плиты...

До начала праздника три часа. Блюда приготовлены. Шинай поехала в школу за дочерью, Мустафа с Альпером расставляют мебель. Афет отправилась встречать тетюшку Нилюфер. Мы с Айше направляемся в аэропорт Ататюрка. Через час приземляется самолет из бакинского аэропорта Бина. Спустя полтора часа – из Шереметьево. Из холодной столицы приезжают друзья – Ольга с Сашей, Владик, Евгения с сынишкой. А дух Каспия ко мне везет мама с компанией из шести человек... Счастливый день. Поистине счастливый.

...Шинай превзошла себя. Стол ломился от яств. Мысли сплетались в единый венок гармонии. Вино дурманило головы. Мама улыбалась со слезами на глазах. «Мой сын нашел счастье...» – тихо сказала она, подняв бокал с напитком гранатового оттенка. За окном дремал вечерний Босфор, дельфинята затеяли чехарду недалеко от берега, чайки пели колыбельную большому городу...

...Под конец вечера всей компанией вываливаемся на балкон, взглянуть на подмигивающие нам звезды. Одна из них, сделав кувырок в ночном небе, устремляется вниз. За считанные секунды во многих точках необъятного Стамбула загадываются желания. Разные желания разных людей с одной целью – стать еще счастливее...

5

*...Аллах выслушивает, разделяет, успокаивает.
Он Друг, а не Всевышний...*

...Коренная турчанка с израненной душой. На лице постоянная сосредоточенность. Тонкие губы. Контуры обведены розовым карандашом. Лучистые глаза. Длинная челка, укрывающая лоб. Зовут Сена. Ей двадцать шесть. На вид не более двадцать. Лишь услышав хрипло-меланхолический тембр голоса, понимаешь – человек старше. Голосовые связки Сены обвила лоза тоски, прорастающая из души хрупкой девушки большого города. Много курит. Зажигает сигарету. Максимум три затяжки, бросает. Спустя десять минут снова закуривает. По аналогичному сценарию. Через пару часов под ногами поле окурков. Рассматривает «бычки», улыбается. «...они похожи на десятки человеческих жизней, потухающие внезапно. На самом расцвете. А я, как Бог, над ними...»

Сена одевается исключительно в зеленую одежду. Зеленая куртка с молочно-фиолетовой подкладкой, зеленые брюки с бархатистыми мокасинами. Тени глаз – темно-зеленые. «...цвет ислама. Пророк Мухаммед любил этот оттенок...» Она пришла в религию пять лет назад. До этого не молилась, называла «старомодными замашками». Теперь объясняет иначе: «Тогда просто не понимала». «Моя вера отлична от веры масс. Мой Аллах выслушивает, разделяет, успокаивает. Он Друг, не Всевышний... Курю, не покрываюсь. Грехом не считаю. Думаю, на небесах со мной солидарны». Ее ислам немного детский. Возможно, с долей несерьезности. Для нее Аллах мудрый старец с седой бородой, восседающий на троне из сгустков облаков... Между словами Сена выдерживает длинные паузы. Массирует правый висок. Ковыряет длинным ногтем мизинца подбородок. Попеременно заглядывает на дно моих глаз. «...там вижу необычайное спокойствие. Будто ты долго шел по пустыне в поисках воды. Наконец после мучений отыскал родник... В первый раз взглянув в твои глаза, заинтересовалась тобою, подошла в том парке, помнишь? Мне интересно, как ты думаешь, размышляешь...»

...Несколько раз в неделю встречаемся в бежевой кафешке в районе Таксим. Подолгу болтаем. Бывает, не здороваемся при встрече. Сразу присаживаемся за круглый столик, приступаем к обсуждению чего-либо, словно спешим познать друг друга... В прошлом году Сене удалили одну из почек, в позапрошлом прооперировали нос. Сейчас воспалился лицевой нерв. «К врачу хожу чаще, чем в мечеть. Причиной моих заболеваний называет нервы. Настаивает усиленно лечиться, рано ложиться спать, бросить курить, питаться заячьей едой, то есть зеленью, овощами... Ненавижу врачей. Но бабушка заставляет. Каждый раз умоляет одеться, берет за руку, и мы не спеша направляемся в клинику... Бабушка говорит, я ее последняя надежда. Она – моя тоже». Сена признает сложность собственного характера. Оправдывает сие знаком зодиака. «Близнецы немного ненормальные. Два лица, четыре глаза, две пары ушей. Ну скажи, как создания с подобными параметрами могут обладать нормальным характером?..»

...Она первый человек за мою стамбульскую жизнь, ненавидящий современную Турцию. Она злится, когда называю Стамбул «городом души». Она называет Босфор «засорившимся болотом». Она недовольна современными турками. «Теперешние турки потеряли лицо, пропитавшись веяниями Европы. Появилась навязчивая продвинутость, причем беспочвенная». Удивлен, где-то возмущен, совсем не разочарован. У каждого своя позиция. Субъективная... Интересуюсь, почему она не уезжает из Турции? «Поверь, уеду. Скоро. Здесь как-никак Родина. Как пять пальцев знаю каждую улочку. Поэтому уезжать в никуда глупо. В ноябре по работе отправляют в Лондон. Глубже изучаю английский, тамошнюю культуру. Не собираюсь терять своего лица. Я турчанка! Горжусь этим. Люблю Турцию, ненавижу современную атмосферу Турции...» Смотрю на Сену. Смотрю, убеждаясь, что Турцию можно дико любить либо дико ненавидеть. Нейтрально относиться невозможно... На сегодня мы прощаемся. В пятницу Сена приглашает в гости. Соглашаюсь. Ведь нам есть о чем поговорить...

Держи рядышком, верь в ее силу...

...Каждый год во второй половине декабря она исчезает. Как только календарь приступает к отсчету последних пятнадцати дней уходящего года. Четырнадцатого числа ее еще встретишь в подъезде или в ближайшем супермаркете. Пятнадцатого Нюргюн внезапно испаряется. Становится невидимкой с плачущими глазами. ... С того дня с лестничной площадки доносится женский плач. Как правило, глубокими ночами. Это Нюргюн, хотя все знают о ее отсутствии в Стамбуле. Сама исчезает, душа остается. В этом доме. Здесь она вырастила покойных сыновей. Их забрал к себе Аллах. Остались лишь фотографии на стенах гостиной, затаившаяся внутри тоска, погрузневшая болонка Бейби. Верная псина до сих пор ждет у порога. Ждет шестой год возвращения молодых хозяев. ... Среди мусульман есть поверье: «Хороших людей Всевышний забирает рано». Проверенные веками слова успокаивают расколотую душу Нюргюн. «Они в раю. Там хорошо, правда?..»

...Ей пятьдесят два. Коротконогая толстушка с пушистыми ресницами. Сладкие ямочки на щеках. Вечно над губой капельки пота. Носит косынки ярких цветов. Чаше небесного оттенка. Она моя соседка по лестничной площадке. Она, муж Огуз, две дочери. Семья Кутлуэр удочерила сирот два года назад. Тогда брошенные в приют девочки-близняшки были годовалые. Нюргюн с Огузом отыскивали в себе силы, начали с начала. Перевернули сырую от соленых слез страницу. ... О трагедии упоминают редко. Все и так знают. Двое молодых сыновей семьи Кутлуэр – Гокхан и Гурхан – погибли в середине декабря 2000-го. Во время землетрясения в турецкой провинции Конья. Шесть ударных баллов. Много слез, запах смерти, морозящий дождь. Гокхана и Гурхана завалило обломками рухнувшего минарета. Они были близнецами. Родились с разницей в две минуты. ...

...Сыновья отправились в Конья десятого декабря. По работе. Ехать не хотели. Мать тоже противилась. Из-за странного сна. Видела саму себя. Плачущую. С глаз стекали слезы. Кровавого оттенка. Она плакала, восседая на обломках разрушенного колодца. ... Шеф текстильной фирмы, где работали Гокхан с Гурханом, настаивал на командировке. Пришлось ехать. ...

Тяжелая история, рассказанная мне всего один раз. Она делилась болью без слез, без истерик. «Смирилась. Ради Огуза, себя. После смерти мальчишек чуть с ума не сошла. Дважды пыталась покончить с собою. Спасли соседи. После похорон поседела. Потом полысела. Поэтому ношу косынку. ...» Нюргюн вернул к жизни снова сон. Под утро к ней явились сыновья. Красивые, здоровые. «...Они обнимают меня. Рыдаю, целую, нюхаю их. Тем временем они тихо шепчут, мол, мама каждая слезинка для нас невыносимая боль. Не переживай, отпусти нас. ... Проснулась с криком. С тех пор не пролила ни одной слезинки. В тот день дала слово начать жить заново. Мне пятьдесят два. В душе тридцать. ...»

...В день смерти сыновей Нюргюн уезжает в Конья. Одна. Минарет восстановили. На месте трагедии она не плачет. «...там я с ними общаюсь. Слышу их. Они слышат меня. ...»

...Называю ее великой женщиной. Нюргюн победила боль. Не каждый так смог бы. Не каждая женщина смогла бы заново стать женщиной. Стать матерью. ... Каждое утро провожает дочерей в школу. Пересекаемся недалеко от нашего дома, где выгуливаю Айдынлыг. Нюргюн, приветливо кивая, кричит мне: «Пусть Бог благословит твой день!» Улыбаюсь ей – сильной, счастливой женщине. Рядом шагают близняшки в розовых куртках. Они так похожи на маму. Они настоящая семья. Семья Кутлуэр, возродившаяся заново. ...

«...Сынок, никогда не отпускай надежду. Держи рядышком, верь в ее силу, лелей ее. Она в нужный момент обязательно ответит взаимностью». Правдивая философия великой женщины. Настоящая философия, написанная жизнью. ...

7

*...Затаившиеся противоречия – отголоски тяжелого прошлого.
Прошлого, когда нельзя было давать слабину...*

...Обижалась, когда ей дарили цветы. Не имеет значения, какие. Даже если тюльпаны. Не имеет значения, по какому поводу. Даже если на день рождения. «Цветы – дорогое удовольствие зимой. Не стоило тратить. Лучше бы мне сладостей купили...» Она говорила не так, как думала. Она была не такой, как думали многие. К примеру, сладости любила готовить, но не есть. К примеру, цветы обожала больше всего на свете. Особенно тюльпаны. «Больно получать столь прекрасные создания мертвыми. Когда дарят сорванные тюльпаны, будто удар в спину наносят. Значит, ради моего дня рождения их лишили жизни?..»

...Сентиментальность прятала на самом дне колодца души. Старалась не показывать. Плакала наедине с собою. В одиночестве могла обливаться слезами за просмотром мелодрам, хотя на людях отдавала предпочтение комедиям. Эти затаившиеся противоречия – отголоски тяжелого прошлого. Прошлого, когда нельзя было давать слабину. Прошлого, когда забываешь, что ты женщина. Мужчиной на войне быть легче. «Если покажешь себя слабой – проиграть битву ничего не стоит. Жизнь не любит слабых. Тяжело такое говорить. Но это так». Хотя тяжелые камни судьбы давно утонули в океане бытия, она продолжала бороться. Неизвестно с кем. Скорее с собственным прошлым...

...Ее звали Лале. В переводе с турецкого «тюльпан». Моя бабушка, мамина мама. Теплые руки, карие глаза. Длинные волосы, покрашенные хной, заплетала в косу. Смуглая кожа, приятно пахнувшая имбирем. Сильная женщина-Скорпион с турецкими корнями, прожившая больше половины жизни на окраине Баку. В трехкомнатном доме с зелеными дверями. В Шувананах – небольшом живописном поселке под самым солнцем, на берегу Каспия...

...До последнего вздоха скучала по Стамбулу. Ей снились Дворец Долмабахче, босфорские дельфины, мост Ататюрка. Ей слышался голос муэдзина с минарета, балаган Египетского базара Стамбула, где пахнет специями. Там под ногами трещат зернышки кунжута, струйкой высыпавшиеся из мешка торговца. Бабушка Лале называла Стамбул «городом снов», Баку – «городом реальности». Два города одной религии смешались в разуме, как две национальности в ее бурлящей крови. Мать Пярзад, моя прабабушка, родилась в Анкаре, в восемнадцать лет выскочив замуж за коренного бакинца. «Если бы Баку не был бы так схож со Стамбулом, наверное, с ума сошла бы от тоски...» Вырастив в нищете двух дочерей, она пожертвовала многим. Переступала через собственные чувства. Убегала из любимого города, в котором лишилась единственной опоры – мужа Ахмета. Лале ненавидела жаловаться, сетовать на потери прошлого, незажившие раны настоящего. «Зачем ныть перед людьми? Все что случилось, случилось со мной. Других касаться не должно». Настоящая категоричность Скорпионов...

...Последние годы жизни бабушка жила одна. «В своей скорлупе». Лишь по воскресеньям – день открытых дверей. Для родственников – поклонников ее непревзойденной стряпни. Много готовила турецких блюд. Долма из фарша скумбрии, имамбайылды, сырный пирог «Тепси». Плюс домашнее абрикосовое вино, бродившее в прохладном подвале...

...В бабушке Лале мусульманские устои прекрасно уживались с современностью. Уживались вопреки возрасту, менталитету, сплетням. Она выкуривала в день пачку «Мальборо», по поселку передвигалась на красном «Тофаше». Наряду с мугамом слушала попсу, восхищенно называя Мадонну «еще той развратницей». Она понимала меня, делилась мудростью, поддерживала наперекор родителям. Двери бабушкиного дома оставались открыты для меня в любой день. С наступлением весны частенько заезжал к ней на шор-гогалы. Готовили эту праздничную, круглую выпечку под открытым небом. В саду, где росли грушевые, ореховые

деревья. Бабушка тонко раскатывала тесто на слои, щедро смазывала их темно-желтым растопленным маслом, укладывая друг на друга. Тем временем за сладкой беседой я смешивал в медной чаше нежнозеленую начинку из аниса, тмина, корицы, черного перца, куркумы. В пепельнице дымились две сигареты, забытые нами за громким спором о жизни...

...Ее уже нет больше десяти лет. Бабушка умерла во сне в семьдесят два года. Без мучений. Редко хожу к ней на могилу. Больно. А если иду, то обязательно с тюльпанами.

8

...Она просто большая. Аккуратно полный человек с сердцем из вишневого желе...

...Чем меньше остается дней до Шекер-Байрам, тем сильнее обостряется ее депрессия. Когда город души отмечает ежегодный праздник сладостей, не выходит из дому. Обнимает белыми ручками таксу Барта, проливая слезы над очередным номером кулинарного журнала «Софра». Ненависть к Шекер-Байраму обостряется по мере увеличения массы ее тела. В эти дни над Стамбулом витают облака с ванильно-миндальной отдушкой. В скромных кондитерских образуются очереди: занятая часть жителей, не успев испечь угощения, покупает лукун, миндаль в сахаре, воздушные печенье, пахлаву. Вздурораженные детишки караулят двери домов: вот-вот придут родители со сладкими подарками. Как говорят турецкие педиатры, в дни Шекер-Байрама в организмах шестидесяти процентов детей Турции просыпается диатез. Пока у малышни краснеют щеки, у некоторых взрослых, заплывших в ожирении, обостряется булимия...

...Ей двадцать восемь. Турчанка со сказочно-кукольным личиком. Маленькая голова на большом теле. Крашенные золотистые кудри, спадающие на округлившиеся плечи. Ее зовут Ширин, в переводе с турецкого значит «сладкая». Пышную фигуру подруги не назову уродливой. Без выпирающих прослоек жира. Она просто большая. Аккуратно полный человек с сердцем из вишневого желе. Элегантно одевается. Широкие накидки, полудрагоценные бусы. Ногти сливового оттенка. Непременно ободок на голове.

...Шекер родилась в Измире. В семье известного кондитера Чичек Шеньюз, прославившейся изысканной пахлавой из восемнадцати почти прозрачных слоев теста. Вместо фисташек посыпала слои грецкими орехами, небольшим количеством миндаля, щепоткой размельченного мускатного ореха. Поговаривают, сам Ататюрк был пленен кондитерским даром Чичек...

...Тридцатидвухлетняя Шеньюз произвела на свет первую дочь раньше срока. Во время кондитерского колдовства. Прямо в небольшом цеху, на застеленном ковром полу. Принимала роды одноглазая помощница Долунай, впоследствии получив статус «второй мамы» малютки. Пока Ширин покидала материнскую утробу, на плите булькал жидкий шоколад, а жирная Айя, запрыгнув на рабочий стол, пудрилась в ванильных сугробах. Черная шерсть кошки миглом побелела... С детства Ширин предрасположена к полноте. К четырем годам девочка напоминала восхитительного поросенка. Укачивая ее на руках, бездетная Долунай заработала остеохондроз...

...Познакомился с Ширин в клубе «Мах» курортного Бодрума. На зажигательном шоу Сердара Ортача, когда от накала публика танцевала на стульях, столах. Причем сам мелкий Ортач не прятался за кордоном охраны. Наоборот, тянулся к публике, лихо отплясывая под свои же миксы... С тех пор прошло два года. Два года дружбы с Ширин-Водолеем. При всей непостоянности она верный друг. Встречаемся не часто. Созваниваемся чаще. Как минимум раз в день. В качестве приветствия Ширин напевает в трубку какой-нибудь хит, которым на тот момент пропитана с головы до ног. «Эй, слышал новую вещь Джандан? Офигенные слова.

Написал поэт Умит Аксу. Вот послушай. Agkomoz leke-siz olmaloydo, gßphesiz olmaloydo... affedemem ben büleyim...»³¹

...Полноту Ширин обсуждаем часто. Наедине. Во время совместных посиделок. Готовим хавуч кёфтеси. На русском блюдо называю «морковными котлетами». Взбивая сметану с чесноком, лимонным соком для соуса, Ширин делится «диетическими» планами. «Обещаю с завтрашнего дня сесть на диету. Никаких жареных котлет. Все парное. Откажусь от кофе, перехожу на жасминовый чай. Вот, запомни, с завтрашнего дня – новая жизнь. Клянусь собою!» Как правило, «завтрашний день» растягивается на неопределенный срок. Срок, пропитанный запахами высококалорийных блюд. Совесть Ширин просыпается лишь в начале года, ближе к Шекер-Байраму. Осознавая, что от праздничных угощений разнесет еще больше, подруга запирается дома, опустошает холодильник. Целыми днями уплетает листья салата с лимоном...

Вот и сегодня, заметив отсутствие подруги, еду к ней. Еду с поводом. Он нас обоих воодушевит на «подвиг». За последний месяц мой вес поднялся до отметки 92 при росте 184. Пора ограничивать себя в еде. Вместе с Ширин. Конечно, с турецкой кухней осуществить план сложно – почти в каждом блюде присутствуют «запрещенные» продукты. Например, в тот же хавуч кёфтеси добавляют муку с хлебными крошками, в бегенди-тавук помимо курятины с баклажанами входит сливочное масло. Однако Стамбул – город овощей, фруктов. Самое главное – баклажаны есть круглый год. С ними легко можно импровизировать. Справимся...

9

*...Время от времени ходит «налево».
У него буйный темперамент Овна...*

...На загорело-волосатой руке крупные часы знаменитой марки. Синие стрелки на фоне оранжевого циферблата. У него грустный вырез глаз, губы вишневого оттенка, трехдневная щетина. Одной рукой держит бокал с пивом. Пенка янтарного напитка успела рассеяться, пока он рассматривал свежий номер мужского «Эскуаира». Турецкое издание с фотографиями нетурецких девушек. На голубой обложке обнаженная блондинка, зажавшая длинными пальчиками сосок пышной груди. «Uzun zamandır iyi bir Ürþçþk yakalayamadım... Aranõzda gÜnlþ olacak biri varsa ben hazõrım»³². Манящий заголовок жирно-желтым шрифтом. Аппетитную богиню зовут Уитни. Именно Уитни, не Агюль или Гёксель. Турецкие издания не публикуют ню-фотографии местных девушек – один из мусульманских устоев. Перечитывает заголовок. Улыбается сквозь дым моей сигареты. Заблестели глаза. «Не отказался бы стать одним из добровольцев...» – протягивает он. Ухмыляюсь в ответ. «Я бы тоже...»

Ему двадцать шесть. Зовут – Махсун. По-дружески называю Максом. Не обижается – турки всегда уважали Европу. Махсун работает спортивным обозревателем в газете. Плюс небольшой частный бизнес. Зарабатывает около трех с половиной тысяч долларов в месяц. По стамбульским меркам неплохо. Без шика. Женат на милой девушке из турецкой провинции. За него сделала выбор мама. За ним оставалось дать согласие. Девушка отличная хозяйка – готовит отменно, каждый вечер преданно встречает мужа с работы. Махсун садится за стол. Она присаживается рядом с ребенком на коленях. Пока муж ужинает, Бирсен рассказывает о прошедшем дне. О том, что водила сынишку к педиатру, которая посоветовала подкармливать его смесью помимо грудного молока. О том, что с грядущего месяца поднимут цены на бензин одновременно с общим повышением зарплат. Одним словом, бытовые прелести из жизни домохозяйки. Бирсен считает себя счастливой женщиной. Покинула провинцию, переехав с

³¹ «Наша любовь должна была быть безупречной, без сомнений... Я не могу простить... Ну вот я такая...» (турец.)

³² «Давно не ощущала настоящего поцелуя... Если среди вас есть добровольцы, я готова!» (турец.)

красивым мужем в Стамбул. У нее растет смысл жизни – ребенок. Если Аллах позволит, родит дочь – помощницу, надежду. Собирается получать высшее образование – через пару лет подаст документы на филфак...

Махсуна с Бирсен их совместная жизнь устраивает. «Грех жаловаться, брат. Она хоть и деревенская, но очень чуткая девушка. Знает, когда молчать, когда говорить. Золотые руки, доброе сердце. Уважает меня. Уважаю ее. Она прежде всего мать моего ребенка, потом – жена. Уверен – проживу с ней до конца дней. Свое семейное счастье я нашел. Не зря доверился матери...» Слушаю его, пытаюсь понять психологию рядового турецкого мужчины. В какой-то мере она мне близка – оба мусульмане. Одно не могу понять. Неужели Махсун, видный парень с отличным образованием, юмором, не мог жениться по любви? «Как-то не получилось. Честно говоря, особо не стремился. В студенчестве встречался с одной узбечкой, работающей здесь по контракту в переводческом центре. Она была божественна. Чего только стоили ее миндальные глаза. С ума сходил. Летал от любви... Наши отношения длились два с половиной года. Она должна была возвращаться на родину. Я хотел на ней жениться, но она противилась переезжать в Турцию. К тому же тогда связывать себя узами брака было рановато. Я учился, впереди жизнь, нужно карьеру делать плюс разные нации... Расстались тяжело. До сих пор, целую жену, представляю перед собою ее. Грех так думать. С правдой надо уметь мириться...»

...Познакомился с Максом в первых числах сентября прошлого года. На церемонии обрезания – суннете – семилетнего сына нашего общего друга. Посещать такие мероприятия неприятно. Воспоминания из собственного детства захлестывают, когда так же пришлось терпеть боль этого обязательного для каждого мусульманина таинства. Но если пригласили, идти нужно обязательно, захватив с собою подарки, полагающиеся «виновнику торжества». Хотя ребенку в эти мгновения точно не до подарков. Его одевают в шикарный костюм с лентой через плечо. На ленте – арабское изречение «машалла»³³. В подобном одеянии мальчугана везут к суннетчи – специалисту, совершающему болезненно-мимолетную процедуру обрезания... Всегда возмущался тем, что у мусульман обрезание обычно делается не при рождении, а в сознательном возрасте. Мой дед объяснял сие следующим образом: «Сынок, такое испытание призвано вооружить будущего мужчину необходимой стойкостью. Уже тогда мальчик должен быть мужественным, не бояться боли...»

...По натуре Махсун личность скрытая. О себе говорит мало, обходит острые углы стороной. Улыбаясь, переводит тему разговора. «Тебе почему-то доверяю. Всегда мечтал о брате, в результате получив сестру. С ней никогда не ладили. Поэтому рано зажил вне дома. Пошел учиться, свободное время работал официантом, занимался атлетикой... Сейчас у меня много товарищей. Настоящих друзей могу пересчитать по пальцам. Первый из них ты...»

...Не отрицает, что время от времени ходит «налево». У него буйный темперамент Овна. Влюбчивый, помешан на сексе. Не такой однолюб, как я. В позапрошлом году Махсун во время недельного отдыха в Анталии закрутил роман с русской девушкой. Двадцатитрехлетняя Галина. Студентка МГУ, старшая дочь состоятельной семьи. Приехала позагорать в Турцию вместе с беременной подругой. «Русские девушки восхитительны. У них такая нежная белая кожа, с ними забываешь обо всем. Признаюсь, к Гале испытывал чувства. Она отлично владела турецким, умела слушать, прекрасно целовалась. Когда расставались впервые, она сказала мне: „Требовать от тебя ничего не буду. Ты женат. Соответственно на мне не женишься. Да и не особенно хочу этого. Лучше сохрани нашу сказку в памяти...“ После сказанного, брат, еще больше полюбил Галю. Она не убивалась, не закатывала истерик, не писала из Москвы слезливых писем... Поступили как взрослые люди. В жизни все так просто. Зачем лишний раз все усложнять?! Кстати, Галя по сей день часто приезжает в Стамбул. В следующем году поеду к

³³ Да хранит Бог! (араб.)

ней в Россию...» В последних двух фразах – ядро психологии турецкого мужчины. Психология, ключ к познанию которой теперь открыт...

...Допиваем пиво. Просим счет. Через час начинается футбольный матч. Сегодня вдоволь поболеем за «Галатсарай»...

10

...Предпочитает бросать перчатку вызова в лицо, если задевают...

...Носит исключительно джинсы. Набедренные, с выглядывающей резинкой трусов. На широком белом поясе надпись «Tommy Hilfiger». Поверх однотонных маек надевает пиджаки современного кроя. На ногах – кеды с бежевыми шнурками. Густым каштановым волосам придает небрежный вид. Смуглый. Крепкие пальцы рук. Грубое скуластое лицо с изюминкой. Таких людей называют притягательными...

Гордится собственной индивидуальностью. Говорит завораживающе, немного резко. Четко разбирается в людях – не любит закулисные игры.

Предпочитает бросать перчатку вызова в лицо, если задевают. Когда необходимо – корректный смельчак. Когда требуют обстоятельства – уличный драчун. Типичный мужчина-Скорпион. Сложный характер, восхитительная уверенность в себе. В меру амбициозный с долей скромности...

Ему тридцать один. Зовут – Хакан. Если обратиться к турецкой социальной лестнице, то успешный мужчина. Комфортная квартира в Левенте, владелец трех кафе в этом же районе Стамбула, черный джип с блестящими боками. Хакан принадлежит к категории европейских турков с западных берегов Босфора. Раз в год ездит отдыхать в Кёльн. Для него национальные традиции – примеси прошлого. Не религиозен, верит больше в себя, чем в Аллаха. Уважает точку зрения окружающих. С интересом выслушает. Посчитает необходимым – прокомментирует...

Хакан больше четырех лет женат на русской. Двадцатипятилетняя Светлана родом из Хабаровска. Русоволосая красавица похожа на Ренату Литвинову. У нее внешность не современной девушки. Света словно сошла с черно-белых фильмов прошлых веков. Короткие ногти без лака, костлявое декольте с миниатюрной грудью. Светская надменность во взгляде. Полюбила Турцию в шестнадцать лет, когда впервые приехала сюда с матерью. Путешествуя на судне по Босфору, поклялась вернуться в Стамбул. Вернуться навсегда, забыв о холодном Хабаровске. За два года выучила турецкий, сбежала в город души. Устроилась официанткой в один из кафе-териев Хакана. Так произошло знакомство...

Сейчас Светлана общается с родителями. Они смирились с желанием дочери жить иначе. Отец, твердивший, что «такой дочери-шлюшки у меня нет», теперь частый гость Светы. «Безмерно счастлива. Переехав сюда, поняла, что родилась под счастливой звездой. Стамбул принял меня. Другие русские девушки, сбегающие в Турцию за счастьем, зачастую оказываются на панели. Я же сразу устроилась на работу, встретила настоящую любовь». Светлана любит откровенничать. Она не из тех, кто думает, потом говорит. Ее речь строится на цементе из эмоций. «Честно скажу, Хакану был важен тот факт, девственница я или нет. Он мужчина-собственник. Хакан не считает жену вещью. Просто ни с кем не хочет меня делить... Хакан стал моим первым мужчиной. Горжусь этим. Я подарила себя человеку, которого люблю всем сердцем». Света в 2001 году приняла мусульманство. Для себя. Мужа религия не интересует...

...В семье все решает Хакан. Мой друг не привык к тому, что дома что-либо глобальное решается без его окончательного слова. «Друг, думаю, ты поймешь меня как мужчину мужчину. Света – моя половинка. В полном понимании слова. Не изменяю ей, стараюсь быть

внимательным. Уважаю ее нацию, семью, родственников. Требую к себе ответного уважения. Когда Света куда-то уходит, то непременно звонит. Не отчитывается. Предупреждает. Это не значит, что слежу за ней. Всегда обеспокоен. Должен знать, где она, с кем. По-моему, это нормально. Женщина должна чувствовать заботу».

...Дружу с ними больше года. Впервые разговорился с Хаканом на дне рождения Шинай. В ресторане Девичьей башни. Быстро нашли общий язык. Как-никак, принадлежим одной водной стихии. Как выяснилось позже, Света тоже водный знак – Рак. Что удивительно, Хакан не ревнует меня к супруге. Доверяет. Для турка важно, как произошло знакомство с его родными. Если глава семьи сам ввел человека в личный круг, значит, вопрос о доверии исчерпан. Не удивлен. Обычный мусульманский подход...

...Вчера Хакан пригласил нас с Шинай в гости. Знаменательный повод – Аллах наконец послал им ребенка. Светлана долго не могла забеременеть. Лечилась, мечтала, молилась. Чудо свершилось. Через шесть месяцев друзья станут родителями...

11

...Они верят в собственную победу. Они верят, что скоро в Турции зарегистрируют первый однополый брак...

...Отварную морковь измельчаю в блендере. Осторожно добавляю в оранжевую массу сок одного апельсина. Цвет становится насыщеннее. Ослепляет глаза. Будоражащий аромат знойного лета обволакивает, вгоняет в сон. Однако шум блендера возвращает в реальность. Необычайно теплую реальность, когда друзья в светлой кухне готовят морковный пирог... Пока добавляю к моркови с соком яйца, сахар, жирные сливки, Гюлер, включив духовку на разогрев, занялась тестом. Порубив ножом полпачки масла с мукой, добавляет три столовые ложки холодной воды. Тщательно «массажирует» тесто маленькими руками...

Лентяйка Дамла, спрятавшись за огромными листьями «Хуриета», жадно читает заметку. Урывчато цитирует фразы, отчаянно матерясь. Злюсь: «Эй, Дам, может, перестанешь? Если халявничаешь, то хотя бы халявничай молча. Тесто пирога чувствительное. Любой негатив, как сквозняк, отражается на выпечке». Сложив газету, подруга замолкает. Внимательно смотрит, переводит взгляд с Гюлер на меня: «В отличие от вас не могу спокойно реагировать на беспредел. Вот, пишут, что семьдесят девять процентов турков против однополых браков. Какими идиотами надо быть?! Еще в ЕС вступать решили. Нет чтобы пример с Нидерландов брать, где уже шесть лет легализовали однополые союзы». Смеемся, подходим к разбушевавшейся подруге, целуем ее в широкий лоб. «Не нервничай, революционерка! Тебе плохо живется?! Лучше нам помоги, мелко натри цедру апельсина». Дамла, тяжело вздохнув, присоединяется к кулинарному процессу, напевая под нос «Kargonda superstar – sev beni, kargonda superstar – hisset beni»³⁴.

...Живут в Кадыкёе. Двухкомнатная квартира с желтыми стенами, оранжевыми дверями. Мягкая мебель солнечного оттенка. Пол уложен светлым паркетом. На стенах в коричневых рамках эротические работы Танера Чейлана³⁵. Интерьер выбран с подтекстом. «Желтый цвет дарит уют. Когда моему гуру Гёте в пасмурную зиму не хватало вдохновения, он смотрел на природу через желтое стекло. Сама так делаю. Эффект обалденный! Начинает петь душа, будто на меня повеяло настоящим теплом», – делится Гюлер, показывая нарядную бордовую коробку с желтыми стеклышками. Она трясет ее, прислушиваясь к незатейливой песне стеклянных «медуз»...

---

³⁴ «Перед тобою суперзвезда – люби меня, перед тобою суперзвезда – почувствуй меня» (турец.). Отрывок из припева песни Сибель Тюзун.

³⁵ Известный гей-художник Турции.

Дамлу с Гюлер объединяет пять лет любви, верности, веры. Полюбили друг друга на последнем курсе университета в Анкаре. Хотя и город достаточно продвинутый, им пришлось сложно. Первое время приходилось стыдливо скрывать, чуть позже гордо защищаться, со временем – бросать вызов общественности. Дамла с Гюлер не принадлежат к категории сексуальных меньшинств, которые, заточившись в тайном замке счастья, увлечены собою. Эти две двадцатипятилетние девушки – активистки свободных отношений. Они строчат антигомофобные письма в госучереждения, бунтуют за равенство вместе с членами «Lambda Istanbul»³⁶, с чувством победы посещают церемонии «Hormone Tomato Homophobia Awards»³⁷. «Не занимаемся пропагандой, как думают многие. Всего лишь защищаем наши права, пытаемся искоренить дискриминацию по признаку сексуальности. Докажем: ислам и демократия могут гармонично сосуществовать!» Они верят в собственную победу. Они верят, что скоро в Турции зарегистрируют первый однополый брак. В глубине души не разделяю оптимизма подруг. Ведь Турция, какой бы демократичной страной ни была, исповедует религию, считающую однополые отношения смертным грехом... Единожды высказав мнение, больше о нем не вспоминаю. Зачем омрачать веру близких?.. В окружении Дамлы с Гюлер немало гетеросексуалов. Что удивительно, никаких стычек на этой почве не случалось. По-моему, сие исходит от образованности обеих сторон. Каждый уважает мнение друг друга, не стремясь в чем-то переубедить.

Несмотря на войну с определенной частью общественности, они ведут комфортный образ жизни. Несколько лет назад Дамла с Гюлер перебрались в Стамбул, купили квартиру в кредит. Работают. Дамла – корреспондент рубрики «Magazin»³⁸ в ведущей газете страны. Часто пишет сценарии для сериалов, как правило, на основе знаменитых произведений турецких писателей. Гюлер же сотрудничает с ведущим стамбульским издательством. Переводит с английского на турецкий книги зарубежных писателей. Сейчас Гюлер доканчивает перевод «Между актами» – сложного, предсмертного романа Вирджинии Вулф...

...Как только выдается свободное время, балуем себя всякими вкусностями. Сегодня моя очередь печь. Выбор остановил на морковном пироге. В детстве мне его пекла бабушка Анна – мать папы. Помню, перед сном запивал румяно-оранжевый кусок горячим молоком. С недавних пор чаще готовлю морковный пирог, неофициально названный мною «Солнцем ностальгии»...

12

...Надо уметь взглянуть на свое отражение в зеркале, принять себя таким, какой ты есть...

...Ностальгия – частый посетитель моего настоящего. У нее волнистые волосы баклажанового цвета, большие черешневые глаза с ежевичными ресницами. На пухлых мочках ушей серебряные сережки из бирюзы. Она облачена в голубое шифоновое платье, расшитое миниатюрными топазными звездами. Босые ноги. На ногтях перламутровый лак. Ностальгия – гостья из прошлого. После переезда в Стамбул эта дама с кружащим голову мускусным шлейфом раз в полгода стучится в двери сердца. Облокачивается спиной на один из клапанов, хлопает глазами, собирает челку за ухо. Спустя мгновение госпожа Ностальгия берет за руку. Взлетаем высоко-высоко, потом ныряем в белоснежный океан из облаков прошлого...

Воспоминания в Стамбуле не отзываются болью. Здесь смело оглядываешься назад. Бесстрашно возвращаешься в грустные эпизоды минувших лет. Ностальгия шепчет, что смотреть

³⁶ Сообщество сексуальных меньшинств.

³⁷ Премия, которая вручается знаменитостям, негативно настроенным по отношению к сексуальным меньшинствам, в рамках ежегодной недели гей-лесби-культуры.

³⁸ Рубрика, освещающая мир шоу-бизнеса.

в зеркальный мир прошлого необходимо. «Надо уметь отпустить то, что теперь позади. Надо уметь взглянуть на свое отражение в зеркале, принять себя таким, какой ты есть...»

Когда Ностальгия располагается в моей стамбульской квартире с деревянными полами, исчезаю на время из поля зрения. Домашний телефон беззвучно звонит на стеклянном столике в прихожей. Мобильный безмолвно вибрирует. Регистрирует звонящих, сохраняя в своей 128-мегабайтовой памяти номера родных людей. Зеленая ромашка аськи превращается в невидимку. Лживо оповещает о нахождении в «офф-лайне». Не прячусь. Не закрываю шторы. Наоборот, по утрам пускаю в спальню больше света, окончательно просыпаясь под шипение кофеварки. Вокруг говорящее молчание, охватившее нас троих – меня, Айдынлыг, госпожу Ностальгию...

Перед взором всплывают картинки из прошлого. Перелистываю фотоальбом с обложкой из треугольных кусочков разноцветного шелка. Вот я с Ланой на черно-белой фотографии с мутным эффектом. В кофейне в Питере. Перед нами длинноногие пиалы с тирамису. Лана обнимает меня, зажмурив глаза. У родного создания забавные ямочки на щеках и длиннущая челка, постоянно лезущая в глаза... Вот следующий снимок. Цветной. С Гюльбен. Валяемся в сугробах прошлогоднего январского снега в Стамбуле. Одной рукой она придерживает красную шапку на голове, другой – стряхивает снег с моего сморщенного лица... Вот, наконец, самая любимая фотография. Март двухлетней давности. День моего рождения. Я и мои турецкие друзья на диване из коричневого бархата. Нас шестеро. На фоне настенный плакат с «шестеркой» актеров любимого сериала – «Friends». Рейчел, Моника, Фиби, Джоуи, Чендлер и Росс. Правда, великолепное сравнение? Своего рода магическая реальность... Шесть частичек меня самого. Частички, существующие только вместе...

...Дни в компании Ностальгии проходят в режиме «slow». Смотрю на часы, наслаждаюсь отстающим ходом стрелок. Значит, драгоценные минуты счастья можно растянуть, часы – удвоить. Доказано... Побывать одному порою полезно. Чтобы сильнее начать ценить окружающую красоту. Чтобы не забывать о прошлом с верой в настоящее...

Последний вечер с госпожой Ностальгией. Утопаем в темноте ортакёйского кинозала «Galleria Prestige». На экране восхитительная история о свободе порывов. Седовласый Гир, завораживающая Лопез, чарующая Сарандон, затеявшие головокружительный танец счастья. Когда-то смотрел эту картину как «Давайте потанцуем». Теперь название звучит иначе. Слаще на турецком. «Dans edecek miyiz». И это так чертовски греет душу...

Часть III

Счастье в городе души

*...И славят мудрого Аллаха
Иль, совершив святой намаз,
О бранной славе падишаха
Ведут медлительный рассказ.
Где любят нежно и жестоко
И непременно в нишах бань...*

1

*...Рецепт один: надо верить. Верить, проживая дни без слез над
утраченным прошлым...*

...Ожидание личного счастья – как ожидание электрички на перроне провинциального вокзала.

Вопреки точному расписанию электричка обязательно приедет. Неизвестно когда точно. Может, с опозданием на полчаса. Может, с аварийной задержкой в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Так и любовь. Врывается в судьбу человека вопреки жизненному расписанию. Одного посещает рано. Другого – чуть позже. Кого-то – поздно. Любовь обязательно доберется до каждого из нас. Неоспоримый факт, оспариваемый людьми без веры в себя...

«Купидоны застряли в небесной пробке». Мой ответ на вопросы о моей любви. Где-то цинично. Главное, с юмором. Ожидание любви не должно сопровождаться самоедством. Мол, вот не везет, жду ее, а она обходит стороной. Рецепт один: надо верить. Верить, проживая дни без слез над утраченным прошлым... Любовь обволокла меня в Стамбуле. Не в живописном месте, например где-нибудь на берегу Босфора. Все гораздо проще. Купидоны, вырвавшись из пробок, выстрелили в меня у овощной лавки в вечно прохладном помещении «Мигроса»³⁹. Последний пучок салата, на светло-зеленых веерах которого одновременно соприкоснулись две руки. Моя, ее. Всегда получаешь то, чего меньше ждешь. Неоспоримый факт, оспариваемый людьми без веры в чудеса...

...Чуть смуглая кожа, глаза цвета зеленого кофе. Губы с прозрачным блеском. Длинные каштановые волосы, собранные в пучок на затылке. Небольшой рост, маленькие пальцы со слабыми ногтями. Чарующая улыбка с ямочками на щеках. Запах кожи сводит с ума. Он словно ветерок, наполненный ароматом тюльпанов с почти не осязаемой мандариновой горчинкой. Она прикасается к руке, и мне кажется, что в мире нет более гладкой, упругой кожи. Она надевает светлые водолазки под пиджаки с деревянными пуговицами. Она предпочитает джинсы, удобную обувь без шнурков. «Когда завязываю шнурки, такое ощущение, будто связываю свою свободу. Лучше обойтись без них». Телец по гороскопу, хотя всегда искал спутницу-Скорпиона...

Ей двадцать три. На год ее старше. Коренная турчанка по имени Зейнеп. Неплохо владеет русским. Говорит со смешным акцентом. В произношении «а» заменяет мягким «я». Называет меня «мишкой». В первый раз рассердился, сморщив лицо. «Ну, куда я и медведи, родная?!» Она улыбнулась, потерлась носом об мою небритую щеку. «Мне так хочется». Простил,

---

³⁹ Крупная сеть маркетов Стамбула.

поцеловал, забыл. Теперь привык... Зейнеп любит готовить. Более сложные, мясные блюда не ее конёк. Она собирает новые рецепты холодных закусок. Дегустируем вместе. Зейнеп, как и я, обожает зеленые яблоки, листья салата, оранжевые лимоны с двумя косточками. Вкус в еде объединил нас. Тяга к марулу⁴⁰ стала для нас знаменательной. «Никогда нельзя нарезать марул ножом. За исключением ресторанов, турки крошат листья руками, поливая их лимонным соком. Сталь убивает салат, уничтожая природную энергию...» В отличие от меня не расположена к полноте. Когда вечерами в кофейне она наслаждается карамельным пудингом, меня охватывает чувство обреченности. Грусть любимого Зейнеп погашает ложечкой сладкого. Отказываюсь, верчу головой. «Прошу, ради меня...» Соглашаюсь. «Не волнуйся, не дам тебе располнеть. Все ешь в меру. Когда поженимся, буду готовить низкокалорийные блюда. Клятво-венно обещаю!» – подытоживает она. Целую. На губах сохранился карамельный привкус счастья...

Зейнеп не ворошит прошлое. Она знает о человеке из прошлого. Она знает, что не люблю посещать Кыз Кюлеси. Для меня это прежде всего башня воспоминаний. Именно здесь расставались с Аидой. Она умерла спустя полгода. Трагично. Никто не виноват. Сейчас на ее могильном камне фотография, сделанная мною когда-то в Баку, в Старом городе... История, лишь раз рассказанная Зейнеп. Я рассказывал, она молчала. Слушала, наблюдая за играющей Айдынлыг. Дул пронизывающий ветер. Только на руку. Под порывами ветра быстро засыхали капельки слез на ресницах. Когда истории подошел конец, завибрировал мобильный в кармане куртки. Пока отвечал на звонок, Зейнеп прижалась ко мне, шепча в ухо: «Все равно люблю тебя...» Телефон упал с рук на скамейку. «Я люблю еще сильнее...»

...На протяжении рабочих будней переписываемся чаще, чем созваниваемся. В дневное время спутник нашей любви – рядовая компьютерная программа. IOQ. Зейнеп пишет лаконичные послания. Рядом с каждым словом желтоголовый смайлик с сердечками вместо глаз. «Знаешь, сначала влюбилась в твой нос, потом в тебя... Он у тебя такой сладкий, аж хочется откусить». – «Разрешаю. Сегодня вечером откусишь. Кстати, куда ходим? Посмотрим „Ледниковой период“?» – «Не-е-е-ет... Лучше возьмем Айдынлыг, прогуляемся по Стамбулу. Хочу дышать с тобою воздухом одного пространства... Да и на ужин ты обещал свой носик»... Переписываюсь, смотрю на часы в правом углу монитора. Потерпи, еще два с половиной часа. Ну что такое два часа по сравнению с двадцатью четырьмя годами, прожитыми без нее?..

2

*...Нас разделяет максимум десять шагов, а мне уже нестерпимо
хочется бежать к ней...*

...Наши сердца переплетены ванильно-имбирными нитями, покрытыми румяной корочкой. Наши поцелуи отдают освежающим вкусом тмина, делая чувства жаркими. Наши прикосновения нежны, словно бордовые волокна шафрана. Не допускаем резких движений – все с восточным изяществом...

Встречаемся в укромном парке. Недалеко от центра. В небольшом зеленом мирке распускаются бутоны ароматов. Южные оттенки жасмина, нарцисса смешались с запахом портовой воды. Если внимательно прислушаться, можно различить шипение набегающих волн, едва слышный «вокал» юного чистильщика обуви, напевающего песенку об обманутом султане. Еще до слуха доносится дребезжание пустых бардаков⁴¹, подпрыгивающих на железных подносах суетливых официантов чайханы. Каждый день, дожидаясь Зейнеп в парке, кажется,

⁴⁰ Листья салата.

⁴¹ Турецкий стакан для чая.

будто все происходит в первый раз. Такие же глухие удары сердца. Такое же предательское волнение в области живота. Сжимаю в руках букет желтых тюльпанов. Цветы вянут под жаром ладоней...

Вот она идет своей летящей походкой. Шея обмотана сиреневым шелковым шарфиком. Романтично колышется на ласковом ветру. Зейнеп посылает воздушный поцелуй, прикасаясь пухлыми губами к ватным подушечкам пальцев. Нас разделяет максимум десять шагов, а мне уже нестерпимо хочется бежать к ней. Сейчас десять шагов – целая вечность. Вечность, которую с легкостью преодолеваю... Обнимаю, немного приподнимая от земли, будто не желаю разделять свою половинку даже с маленьким кусочком огромной планеты... Она заливисто смеется, как Айдан Шенер в экранизации «Птички певчей»... Прижимается, вдыхает запах моих коротких волос, пропитанных цветением жасмина. Он накануне распустился на набережной Босфора... Кружимся в вальсе любви, наплевав на домыслы окружающих... Упиваемся собственными чувствами. Они так же горячи, как жареные каштаны, продающиеся на каждом углу Стамбула...

Сидим на старой скамейке. Болтаем о чем-то глупом. Зейнеп, замерзший щеночек, зарылась в теплоте моей коричневой куртки. Временами щекочет меня, посмеиваясь над нулевой реакцией любимого. «Неужели не боишься щекотки?! Не зря прозвала мишкой. Толстокожий! Тебя ничем не возьмешь...» – шутливо возмущается Зейнеп. Пошлепывает меня ладошками по груди. «Зато ты – такая худышка. По тебе анатомию изучать!» – отвечаю я, начиная щипать за талию. Зейнеп заливается смехом, визжит. Выбирается из объятий. Обратно прижимаю к себе. Ненасытно целую в губы...

Она утверждает, что наша любовь присыпана имбирем. «Вчера вычислила, что приправа наших чувств – имбирь. У каждой любви есть своя пряность. Ты не знал?! Еще в Индии старые женщины так вычисляли судьбу супружеских союзов. Брали ту или иную пряность, разводили в маленьком количестве настоя фиалки. Натирали пятки спутницы. Если кожа покраснеет, значит, любовь на века.

Если никакого действия, значит, крах союзу. Кстати, проверяла, мои пятки покраснели».

Смеюсь над девичьей наивностью Зейнеп. Ласкаю пальцами мочку ее уха. Не носит сережки, потому что от этого мочки ушей забавно оттопыриваются. «Ты красива. Красивее луны, ночной спутницы Босфора». Зейнеп опускает глаза. Смущается. Переводит тему. Достает из сумки маленький, плотно закрытый контейнер. Открывает. Имбирное печенье в форме сердечек. Непередаваемый аромат выстреливает, как из хлопушки. «Обычно девушки угощают любимых выпечкой, которую не сами готовят. Завлекают таким образом. Родной, я пекла собственноручно. Поэтому печенье получились такие косые, местами обгорели». Пробую. Зейнеп настороженно следит за процессом. За время пребывания в Стамбуле не часто приходилось есть домашние сладости. Временами заходил в кондитерские, или тетюшка Нилюфер посылала пахлаву из деревни. Таких вкусных печений не пробовал давно. Может, просто соскучился по домашней еде?..

Выражаю восхищение скромно, чтобы не приняла за лесть. Зейнеп берет из рук остаток печенья. Подводит кусочек к моим губам. Затем медленно съедает его. «Не знаю, как печенье, но твои губы вкуснее». Тянется ко мне. Светло-коричневые сердечки высыпаются из контейнера на скамейку. Не замечаем. Усилившийся аромат имбиря захватывает нас. Щеки краснеют. Правы индусы. Пряность нашей любви действительно имбирь...

3

*...Ревность в маленьких дозах укрепляет любовь.
В больших – разрушает...*

... Не ревнива, верит сказанному, лишена наивности. Может ложно создать наивный вид. Спрятать за ним трезвость взгляда. Турецкая девушка утирает сопли за просмотром мелодрамы по «TRT», а уже через пару минут рассуждает на тему вступления Турции в Евросоюз. В турчанке, словно в кисло-сладком грейпфруте, гармонично уживаются два схожих цитруса. Когда есть причина, с надрывом плачет. Когда есть повод, ликует от радости. Это не две стороны одной медали. Это реалии современного мира – белая полоса рядом с черной...

Зейнеп другая. Отличается от сверстниц. Меньше секретничает. Раскрепощенная. Не переваривает «мыльные оперы» турецкого производства. «Они перестали соответствовать реалиям страны. Шик заслонил правду. К тому же в главных ролях чаще звезды эстрады. Настоящие актеры отошли на второй план. В кино востребованы певцы, гарантирующие рейтинг. Возьми хотя бы Кырмызгюля. Он, кажется, забыл о пении...»

Почему в Зейнеп так много отличий? Казалось бы, училась в обычном лицее. Скоро завершает Босфорский государственный университет, где получают образование тысяча девушек со всей Турции. Недоумевал, пока Зейнеп не поведала о бабушке-немке. По папиной линии. «С младенчества приучала к книгам. Мама рассказывала, как бабуля мне, годовалой, читала вслух Достоевского. Казалось бы, ничего не должна запомнить. Не поверишь, но сейчас, перечитывая „Преступление и наказание“, все слова так знакомы...» В литературе – вкусы разные. Сторонится Памука, зачитывается Борхесом. В летний период возвращается к обожаемой Линдгрэн. Я в своем амплуа. Кортасар, Золя, Цвейг, Толстая. Джоан Харрис, конечно же. Зейнеп наслаждается ею в оригинале. Благо английский изучает с семи лет. По моему настоянию выбрано «Five quarters of the orange». Лучшая из лучших. «Читая роман, безумно тянет на кухню. Хочется готовить. Для тебя...»

... Распутываем клубок наших чувств. Прогуливаемся по Нишанташи. «Жадно глотаем улыбки людей», как пишет Земфира. Стараемся передвигаться по малолюдным дорогам. Хотя Нишанташи и малолюдность – понятия несовместимые. Зейнеп объясняет, что чувство ревности для нее чуждо. «Если не ревную – не значит, что не люблю. Если не ревную – значит, доверяю. Понимаю, доверие сейчас не в моде. Надо обязательно проверять карманы, тайком читать месседжи в телефоне парня. Не понимаю таких. Тогда для чего быть вместе?!» Удивленно смотрю на нее. Явно не шутит. Закуриваю. «Ты серьезно?» – «Вполне». – «Нет, ты серьезно?» – «Издеваешься?!» – «Тебе не кажется, ты слишком правильная?» – «Я такая, какая есть. Вот и все». Отрубает. Поворачивает голову в сторону проезжей части...

Живущая во мне ревность кажется бессмысленной. Безответной. Неужели ревность должна быть взаимной?! Не понимаю. Ненавистный сумбур в чувствах. Одно знаю точно. Ревную Зейнеп. Ревную к прохожим, звонкам, песням, мужчинам. Иногда к женщинам. Самому смешно. Собственник? Скорее всего. Просто сильно люблю. Скорее всего. Нет, точно!..

Зейнеп не знает о бурях ревности во мне. Люблю откровенно, ревную безмолвно. «Ревность в маленьких дозах укрепляет любовь. В больших – разрушает. Запомни, сынок! Не поступай, как твой отец». Философия мудрой матери-Скорпиона. Понимаю, сдерживаюсь... Когда ревность наступает, крепче прижимаю к себе. Вдыхаю ее запах – лучшее успокоительное из существующих. Иногда Зейнеп все же замечает тревогу. «Не веришь мне, мишка?» Молчу. «Думаешь, ничего не понимаю? Ревнуешь. Знаю». Молчу. «Ты бы взглянул на себя со стороны, когда я болтаю с коллегой по мобильному...» Хохочет. Напрягаюсь. «Малыш, ты лучший. Ты для меня один... Все равно не доверяешь, да?» – «Доверяю». – «Неуверенно сказано». Улыбаюсь. «Доверяю и... до ужаса боюсь потерять. Это мой страшный сон». Ничего не отвечает. Целует. Объятие отражается в стеклянной витрине кафешки. Спустя минуту нам аплодируют обедающие посетители. Смущенно улыбаемся в ответ, скрываясь в гуще разноцветной толпы...

4

...От прошлого отказаться невозможно, каким бы тяжелым оно ни было. Его следует забрать с собою в будущее...

...Прячется от сквозняков, ненавидит ветра. Любит плотно закрытые окна. Свободно дышит только под кондиционером и в компании Босфора. Комфортно живет в замкнутом пространстве, где свой мир. Без потоков извне. Представлена самой себе. Любит мучное – донер, лахмаджун, пиде. Приучила к такому питанию Ли. Кастрированный кот разбрасывает по маленькой квартирке мясные сухари, недовольно мурлычет. Требует турецкий фаст-фуд. Возраст Ли небольшой. Излишняя полнота превратила кота в поношенную плюшевую игрушку с голодными глазищами...

Ей тридцать восемь. Софико из Грузии. В 2004 году поселилась в стамбульском Зейтинбуруну. Недорогой район с галдящими стайками русских челноков на улицах. Съезжаются за кожей – не всегда качественной, всегда дешевой... Круглый овал лица, темные волосы. Яркие черты лица, меланхолично-грустные глаза. Софико – мой педагог по английскому языку. Преподавала в Тбилиси. В средней школе № 29. Гордится профессией. На сырых стенах стамбульской «однушки» фотографии с учениками. В темно-зеленых рамках снимки Софико в окружении белокожих детишек с лучезарными глазами. Они – часть ее жизни. Жизни до Стамбула. «...называли мамой. Часто приглашала учеников к себе. Пока мальчики смотрели телевизор, с девочками раскатывали тесто для хачапури... Три подноса рассыпчатой выпечки мигом съедались. Не представляешь, какое счастье дарили мгновения, когда они обнимали меня в прихожей со словами благодарности: „Спасибо, мамочка Софико“. Рыдала от радости. Целовала горящие детские щеки. „На здоровье!“ До восьмого класса была их классным руководителем, пока судьба не нанесла удар в спину...»

Несколько лет назад покинула Тбилиси. Незаметно, никому не сказав. Улетела ранним утром. Рейс Тбилиси – Стамбул. «Турецкие авиалинии». В кармане кредитная карточка с суммой за проданную квартиру. Багаж – две сумки с вещами, чемодан с фотографиями. Цветными, черно-белыми. Картины кисти художника по имени Прошлое. Поднимаясь по трапу, Софико осознала, что от прошлого отказаться невозможно, каким бы тяжелым оно ни было. Его следует принять, забрать с собою в будущее. «Забыть прошлое означает убить себя. Сейчас оно живет только в памяти, туда не возвращаюсь». Выдыхает сигаретный дым, запивает порцию никотина зеленым чаем. Я пью кофе. Растворимый, с привкусом химикатов. Вынужденная экономия грузинки. Денег с трудом хватает на оплату съемной квартиры. В Стамбуле находится нелегально – виза просрочена. Старается быть незаметной – боится депортации. Зарабатывает на хлеб преподаванием английского. Желających мало. В основном эмигранты. «Живу как в странном, туманном сне. Окружающую обстановку вижу четко, людей – расплывчато. Такое состояние называю „сон во сне“...»

Софико редко прикасается к семейным фотоальбомам. Они валяются на дне синего чемодана с коричневыми кожаными ручками. «Вижу фото малышки – рана снова кровоточит. Устала от боли... Сбежала в Стамбул от самой себя. Хочу спокойно прожить остаток дней в этом сказочном городе. Рассказывать Босфору о прошлом, кормить голубей крошками сладкой булки, есть жареные каштаны, сидеть часами с Ли на балконе, разглядывая ритмичный поток людей». Даю волю эмоциям. «Софа, ты молодая женщина, превращаешь себя в старуху. У тебя все впереди. Целая жизнь. Не сдавайся! Попробуй вернуться в Грузию, приведи документы в порядок, поживи там немного. Потом возвращайся... Так не может продолжаться. Сколько можно жить незаконно?! Не призываю отказаться от Стамбула. Призываю жить в Стамбуле полноценно». Грызет ноготь. Закуривает еще одну сигарету. Предлагает мне. Соглашаюсь. «...

ты мой лучший ученик, малыш. Когда работаю с тобой, забываю обо всем. Получаю удовольствие от профессии. Благодаря тебе. При всем уважении ты все равно для меня младший братик. Я – старшая сестра. Соответственно жизненного опыта больше. Не говорю, что ты не прав. Скорее, до конца не понимаешь. Сложно передать, какую нестерпимую боль испытываю на родине...» Плачет. Спрятала лицо за морщинистыми руками...

...Там, в Грузии, находится источник ее боли – маленькая могилка, по краям заросшая мхом. Дочь Софики скончалась от лейкемии. Три с половиной года назад. Без мучений. Растаяла, как свеча. Умер единственный ребенок, вместе с ним рухнули семья, надежда, вера. Муж Нодар, убитый горем, ушел. Оставил жену наедине с горем. Развелись. Пожилой отец никогда не был близок с Софикой. После кончины матери отношения окончательно разладились. Единственная сестра, столкнувшись с трагедией сестры, начала прятать от нее дочерей, мол, не дай бог, сглазит моих от горя...

«Осталась одна в опустевшем доме. Плакала под шум шныряющих по дому сквозняков. Сквозняков печали. Мне являлась дочка... Вдруг слышу родной голос. Заглядываю в темную детскую. Вижу Нико, сидящую за уроками. Оборачивается ко мне. „Мам, поможешь с задачей?“ Подбегаю, бросаюсь на стол, дочь исчезает... Нико, как я в школе, была гуманитарием. Испытывала трудности с математикой...» Резко прекращает говорить, вытирает слезы. Снова закуривает. «Не жалею! Жалость разрушает светлую память о Нико. Чутко поплачу – успокоюсь... Хочешь кофе, малыш?» Киваю. Уходит на кухню. Пытаюсь проглотить комок в горле. Тщетно. Хочется обнять Софику. Сдерживаю порыв. Просто буду рядом. Это ведь не жалость...

...Вчера получил электронное письмо от Софики. Самое лаконичное в моем «ящике». Обрадовала. Тяжело терять эту частичку моего города души. Придется. Она смогла перебороть себя...

«Малыш, возвращаюсь в Тбилиси. Жаль, не дождалась тебя. Помнишь тот вечер, когда ты посоветовал вернуться? Те слова вспоминала каждый день. Решилась. Попробую все сначала. Получится, надеюсь. Верю в себя. Уверена, тоже веришь в меня. Целую. Может, увидимся в Тбилиси? Софики.

P.S. Надеюсь, не забросил английский? Повторяй грамматику...»

5

...Кто нюхает розу, тот терпит боль от ее шипов...

...Верит в силу заговора, смысленных фавнов, розовый эликсир бессмертия. Ждет встречи с Белым Кроликом в цилиндре. Дружит с взбалмошной Венди. В ближайшее время планирует отправиться с ней на поиски убежавшей тени Питера Пэна. Мечтает оказаться в подземном царстве, встретить крошечных эльфов с глазами без ресниц, упитанных гномов с камнем терпения в пухленьких руках. Разыскивает корень мандрагоры. Цель – излечить болеющих мам, пап, детишек, бабушек, дедушек. Зачитывается историями Кэрролла, Льюиса, Линдгрена, Янсона. Игнорирует книги о Поттере, Шреке, миннипутях. «В них нет души. Они пишут о том, во что сами не верят...»

Гюльбен сохранила веру в чудеса. Делится верой в маленьких рассказиках. Каждая буква покрыта весенней росой. Между буквами пролегает сверкающий лабиринт, ведущий к вечной любви. Если бы не природная немота Гюльбен, от каждого сказанного ею слова исходила бы оранжевая пыльца оптимизма. Впрочем, эту пылцу и сейчас возможно увидеть. Стоит внимательно заглянуть в подтекст рассказов... «Пишу для себя. Пишу для лучшего читателя. Ты

особо чувствуешь, вникаешь в суть... Когда-нибудь выпущу альбом со своими акварелями. Своего рода комментариями к рисункам станут рассказы. Хорошая идея?»

Она великолепный друг. Вдыхает в меня положительный жизненный тонус. Вдыхает, вопреки расстоянию между нами. Чаще общаемся в IOQ, ЖЖ. Компьютерное измерение не преграда для потока энергии подруги. Когда радуюсь, радуется со мной. Когда грущу, грустит со мной. Каждое написанное Гюльбен слово сопровождается поучительной пословицей из турецкого фольклора. Сетую на мимолетность счастливых мгновений, получаю ответ: «Кто нюхает розу, тот терпит боль от ее шипов». Жалуюсь на собственное транжирство, получаю ответ: «Кто не держит кошку, тот кормит мышей». Возмущаюсь наглостью конкурентов на работе, получаю ответ: «Лучше идти посредине, чем впереди». Вспоминаю детскую беззаботность, следует подтверждение: «Счастливее всех тот, кто еще в колыбели». Шутливо называю Гюльбен «шпаргалкой пословиц», опять получаю ответ: «Кто держит мед, тот облизывает пальцы»...

...Обожает восточные сказки. Я люблю сказки, хотя давно не верю в них. Она интересуется моей настольной книгой. «Любая из „поисков“ Пруста». Спрашиваю: «У тебя?» «Книжка сказок под названием „Billur kosk ile elmas gemi“⁴²». Такой ответ следовало ожидать... Гюльбен верит в действенность волшебной палочки. Она сделана из ветви оливкового дерева. В полнолуние «заряжает» палочку в магической субстанции. Грейпфрутовый сок смешивает с пятнадцатью каплями росы, затем добавляет измельченную скорлупу перепелиного яйца. «Дедушка Февзи поделился со мной рецептом этого живительного эликсира. Кстати, им ежедневно омывал лицо османский султан Баязид I. Благодаря эликсиру Баязиду с войском удалось захватить Сербию, Болгарию, Македонию, Фессалию. Лишь однажды, перед сражением с Тимуром при Анкаре, он забыл умыться, за что дорогого поплатился...»

...Всего один раз Гюльбен разочаровалась в волшебной палочке. В день, когда потеряла маму. «...не хочу вспоминать. Не хочу верить в бессилие Помощницы. Тяжело. Помню, размахивала над мамой палочкой, а она говорила: „Доченька, чудес не существует. В жизни все иначе...“ Не отчаивалась, плакала, продолжая вертеть веткой над мамой. Безрезультатно...» Боль осталась позади, вера вернулась. По-прежнему живет в ней. Гюльбен снова верит в чудеса, разглядывая небо. «Там вижу маму. Улыбается мне сквозь облака. Знаю, она там счастлива...»

6

...Если человека тянет к дому, значит, он умеет быть счастливым...

...Собственный угол разыскиваешь с детства. Как неуклюжий щенок, тычешься мокрым носом в преграды, пока не отыщешь махровых объятий. Вопреки поискам многие с годами угол не находят. Причина – невыносимая теснота бытия. Однако абсолютно все мечтают его найти. Когда-нибудь, где-нибудь. Там можно защититься, забыться, окрепнуть. Там можно постичь невыносимую легкость бытия...

К счастью, мои поиски увенчались успехом. С опозданием. Тусклая мечта о двухкомнатной квартирке с деревянными полами приобрела реальные очертания. В стамбульском Орта-кёе, где сначала пришлось так нелегко. Почему именно «двушка» с дубовыми полами – не знаю. Наверное, корни мечты зарыты глубоко в детстве. Первые шаги по деревянным полам дачного домика в Кратово...

...Никаких глянцевого каталогов, специализированных журналов по интерьеру. Создание уюта стамбульской квартиры – частички из мозаики моей фантазии. Повезло, прораб встре-

⁴² «Хрустальный замок и алмазный корабль» (турец.).

тился земляк. Улавливал желания с полуслова. Как клиент требовал ничего удивительного – проще, свободнее, светлее. Как только между тетушкой Нилюфер и мной было подписано кредитное соглашение на покупку ее квартиры, приступил к ремонту. Первым долгом избавился от банального паркета. Заказал отлично просохшие доски из дуба. Лесной запах, бело-коричневые природные орнаменты, душевная аура. На доски нанесли лак. Все, мечта готова! Теперь состою в прямом контакте с природой – хожу исключительно босиком...

В интерьере аналогичная простота. Мебель в стиле минимализма. Не дань моде. Так практичнее. Баклажановые диваны с бархатным покрытием, кресло-качалка из липового дерева. Парочка напольных широких подушек. Под тобой меняют форму, как пластилин в руках ребенка. Белые книжные полки в виде ромба. Много книг, художественных альбомов. Гоген, Кало, Дали. На камине упитанные хотэи, фарфоровые ханы, хрустальные рыбки «Сваровски». Десятки ваз. Разные стекла, экстравагантные формы. На подоконнике из орехового дерева желтеют журналы. Турецкие «Geo», «Esquire», «Vogue». На стеклянном столике миниатюрный аквариум. Наполнен засохшими апельсиновыми спиралями. От них исходит терпкий аромат, усиливающийся в дневное время. Под лучами солнечного света из окна. Греет зимой душу... У рабочего стола расположилась Айдынлыг. На пледе из козьей шерсти. Когда открываю окно для проветривания, под порывами морского ветра на великую лентяйку со стола слетают листы бумаги. Исписанные, пахнущие чернилами. Айдынлыг недовольно отряхивается. Смотрю на эту картину. С ностальгией вспоминаю осеннюю пору, когда оранжевые листья клена спадают с могучих деревьев...

...Из гостиной в маленькую кухню ведет узкая прихожая. На стенах репродукции работ Энди Уорхолла. Богиня Монро с розовыми волосами провожает ухмыляющимся взглядом в очаг вкусовностей. «Если человека тянет к дому, значит, он умеет быть счастливым». Такое заявляют на Востоке. Сегодня моя стамбульская квартира поистине крепость, притягивающая меня. Прислушиваюсь к ее звукам. К чавканью прожорливого домашнего в камине гостиной, приглушенному дыханию спальни, бульканью закипающей воды для спагетти на кухне. Когда приходится покидать стамбульскую крепость, скучаю по родным стенам. Пока отсутствую, они дарят уют прежней жительнице, тетушке Нилюфер. Звонит мне в Баку, рассказывает о тоске кирпичного камина, мягкотелых диванов, рабочего стола. Неживые предметы скучают по живому человеку. Кто вообще сказал, что они неживые?!

Прошу приложить трубку к одной из стен стамбульской квартиры. Нилюфер перестала удивляться чудачествам. «Ты необычный мужчина. Чувствуешь все не как все». Вслушиваюсь в дыхание стен на время покинутой крепости. Про себя прошу: «Дождитесь». Обещаю скоро вернуться, как только закончится командировка в Баку. Стены дрожат от переполняющих эмоций. Пугают тетушку Нилюфер ложным эффектом землетрясения. Ощущаю вибрации преданности, в очередной раз убеждаясь: собственный угол я нашел... Вы тоже его всенепременно найдете, если еще не нашли...

7

...Складно песню напевает, да негромкая она, только Босфору и слышна...

...Разлука с людьми не так разъедает, как разлука с животными. Ответственность за преданное создание пробуждается даже во сне. Лишь под сопение мохнатого существа в ногах удается заснуть спокойно. С улыбкой. Засыпание с радостью дает окрыляющий эффект. Тогда утро с перспективой давки в метро не кажется угнетающим...

Айдынлыг – лучший подарок города души. Необычайная искренность, цветущая в ритмично бьющемся собачьем сердце, творит чудеса. Окрашивает небо над головой в радужные

треугольники, зимние деревья – в сочно-зеленый оттенок. Айдынлыг – вера в лучшее. Прижимаюсь к ней, вдыхаю кофейный запах шампуня. Во мне рождается чудодейственная гамма чувств. Гамма из весеннего цветения, летнего оптимизма, осенней меланхолии, зимнего уюта. В ответ трется мордочкой о шею, зарывается в объятиях, словно хочет сказать: «Не отпускай...» Разлеглись с ней на оливковом ковре гостиной. Признаюсь Зейнеп в любви по телефону, откусывая зеленое яблоко. Айдынлыг лежит рядом. Навострила уши, виляет хвостом. Ликует. Понимает: на линии – половинка сердца хозяина. Та самая симпатичная брюнеточка, щедрая на голландский сыр, кусочки куриной котлеты со стола...

...В унисон называем Айдынлыг ребеночком. Пока чищу уши, Зейнеп расчесывает светло-коричневую шерсть фиолетовой щеткой. Поет колыбельную. «...складно песню напевает, да негромкая она, только Босфору и слышна...» Глаза Айдынлыг медленно закрываются, урчание утихает. Через минуту переходит в храп. Зейнеп умиляется, наклоняется к сонной мордочке. Нежно целует в мокрочерный пяточок. «Интересно, твоего вдохновения хватит на колыбельные для наших детей?» Улыбается уголками губ. «Понадобится – к тому времени напишу целую книгу...»

Будучи в Баку, вижу Айдынлыг во сне. В отражении зеркал царства Морфея Айдынлыг убегает от меня. Трусит в сторону набережной, запрыгивает на пыхтящий кораблик, отплывающий от берега. Замираю на пристани, кричу «Ко мне!», молю Босфор вернуть надежду... Прорываюсь в замешательстве. Часы тикают на тумбочке. 6:34. Ага, через полчаса по турецкому времени Нилюфер пойдет выгуливать красавицу. Значит, успею позвонить. Набираю номер. Хрипение, позывные гудки. Тетушка поднимает трубку бодрым голосом. На фоне шумит овощерезка «Мулинекс». Видимо, для Айдынлыг крошит сельдерей с огурцом, яблоком, капустой. «Сынок, как раз готовила для Айды овощной салат. Добавлю его в говяжий фарш... Не волнуйся, все хорошо. Она послушная девочка. Передать трубку? Айда ко мне, папа звонит». Слышу лай, трубку жадно обнюхивают. «Малышка, привет, это я... Не скучай... скоро... вер... р-р-нись...» С трудом произношу слова – комок в горле. Глаза намокли. На том конце провода скулеж. «Не плачь, сладкая». Айдынлыг успокаивается. Спустя десяток секунд оптимистично лает. «Сынок, не переживай за Айду. Зейнеп каждый вечер приходит, вместе гуляем... Погода хорошая, весна... В Баку, слышала, пока холодно?...»

...Айдынлыг – фанатка зимы. Стамбул в снегу – настоящий праздник для нее. Носится по набережной, рассматривает темные отпечатки лап на белоснежном «ковре». Заигрывает с малышней, играющей в снежки. Если Зейнеп рядом, то Айдынлыг тянет любимую за пальто в сторону девственных сугробов, мол, давай поваляемся на снегу. Уверена – отказа не будет. Зейнеп с детским азартом бежит наперегонки с Айдынлыг, умывает «снежную королеву» пушистым снегом. Предпочитаю держаться в стороне. Не люблю снег. Осень – моя пора. Отдыхаю на скамейке, наблюдая за продрогшими чайками. Они в панике. В южный город пришла зима...

8

*...Почему все люди не рождаются и не умирают счастливыми?
Абсолютно все...*

...Утренний Стамбул вдохновляет на подвиги. Переполняешься энергией прибой. Кругом умиротворенность, непоколебимость. Утром в городе души воздух с привкусом морской соли. Поры страстно впитывают флюиды рассвета... Окунаюсь в теплоту редакции раньше всех. За час до прибытия коллег. Привожу себя в порядок в уборной. Умываюсь прохладной водой. Пропитываю одноразовыми салфетками капли на лице. Куски бумаги смягчаются, разрываются под тяжестью мокрых пальцев...

...Встречаю их каждое утро. Две хранительницы утреннего покоя редакции. Они подстраиваются под настроение этого архитектурного здания в центре Стамбула. Сметают пыль голубой пушистой щеткой, пылесосят напольные ковры. Протирают мебель, собирают со столов конфетные фантики. Самые оригинальные девочка складывает в отвисший карман зеленого передника. Предварительно тщательно разглаживает. Тонкие пальчики становятся бордовыми от краски. Быстро вытирает об себя. Упаси аллах мама заметит. Мало того – побьет, так еще фантики сожжет. Она прячет обертки в коробке под кроватью. Перед сном, пока горит свет, изучает их. Фантики для нее – сказочные страницы. С феями, русалками, принцессами. До сих пор верит в сказки, хотя ей давно двенадцать. Как слышит приближающиеся шаги матери, напоследок внюхивается в кофейно-карамельный аромат оберток. После чего быстро запикивает бумажки обратно в коробку...

...Сана и ее дочь Ане. Темнокожая женщина с густыми бровями. Крупные черты лица. Восхитительные руки – тонкая кисть, шелковистая кожа. Физический труд не испортил природной красоты. Такое ощущение, будто Сана все дни проводит у маникюрщицы. Выдают отросшие, местами потрескавшиеся кутикулы – косметического увлажнения в помине не видели. У Ане мамины черты. Правда, грубости в контурах лица нет. Губы обветренные. На подбородке черная родинка. Не посещает школу. Читать, писать научила мать. Ане любознательна. Замечает на столе нашего редактора рубрики «Книжные истории» издания с блестящими обложками. Пытается прочесть. По слогам. Запинаясь. Если замечает мое внимание, отбегает, прячется за матерью. Прижимает к груди лысую куклу без одежды...

Они курдянки. Категория людей, живущая в Турции, но мечтающая о Курдистане. О Курдистане на территории Турции. Курды – маги прошлого. «Великого прошлого и грядущего великого будущего». Верят в возрождение Курдистана, где им не придется быть на «вторых ролях»... Как бы в Турции ни отрицали присутствие проблемы национальных меньшинств, она есть. Проблема затаилась за умелыми декорациями турецкого народа – вежливостью, улыбчивостью, человеколюбием. За красиво оформленной сценой пылится реквизит негативного отношения к некоторым нациям.

К грекам, курдам, например. Однако ни один турок не продемонстрирует неприятия. В худшем случае выберет нейтральную позицию. Такое спокойствие будет длиться, пока не заденут гордость турка. Стоит сему произойти, он шагнет на тропу войны... Сегодня коренные турки относятся к курдам, как русские к чеченцам. Безусловно, есть исключения. Молодое поколение спокойнее реагирует на национальные различия. Турки дружат с курдами, иногда вступают в браки.

...Сана молчаливая. Пока готовлюсь к новому дню, опустив глаза, выполняет работу. В первое время решил – женщина немая. Убедился в обратном в холодный зимний день прошлого года. Помню, как, забежав в редакцию, включил диспенсер, дожидаясь, пока согреется вода. Собирался заварить апельсиновый чай. Спустя пятнадцать минут, почитывая свежий интернет-номер «Sun», наслаждался напитком с овсяными печеньями. Тем временем Сана с Ане прибирались в комнате шефа. Слышал, как Ане стучит пальчиком по стеклу аквариума, разгоняя сонных рыб с оранжевой чешуей. Вдруг девочка вбежала в зал, направилась в сторону моего стола. Около него лежал пылесос. Ане явно спешила выполнить задание матери, чтобы поскорее вернуться к плавающим подружкам. В спешке схватив пылесос, неожиданно задевает металлической трубой край моего стола. Встряска. Через мгновение кружка оказывается на ковре. Ане охнула, застыла, прижав кулачки к щекам. На звук выбежала Сана. Увидев картину, не на шутку перепугалась. Громко извиняясь, шлепнула дочь по плечу. Из глаз Ане брызнули слезы. Плача, убежала в сторону выхода...

Успокаиваю женщину, призывая не трогать дочь. «Моя вина, неосторожно взмахнул рукой...» Сана падает на колени, оттирает тряпкой пятно. Извиняется, просит не говорить о случившемся руководству. Разозлился. Хватаю Сану за плечи, поднимаю на ноги. Прошу вер-

нуться в комнату редактора, продолжить уборку: «Не волнуйтесь, приберу...» От нее пахнет чистящими средствами. Опускает глаза, убегает в кабинет шефа. Стало жутко неудобно. Чай так и не выпил. Хватаю куртку, иду к Босфору. По дороге задаю себе вопрос: «Почему люди живут по-разному?..» С того дня стена безмолвия между мной и Саной стала рушиться...

...После каждого произнесенного слова сжимает зубами нижнюю губу. Не смотрит в глаза. Куда-то вниз, в темень неизвестного колодца. Не связано с желанием спрятать лживость в глазах. Податливость перед мужчиной – мусульманская ментальность. Признается, что дочь – последняя надежда в жизни. Не желает Ане своей судьбы. Обыденной, замкнутой. «Мечтаю, чтобы получила образование. Стала врачом, ветеринаром. Жаль, нет возможности завести собаку. Муж совершает намаз, брезгает животными. Однажды Ане приютила щенка. Он, подонок, отравил его... Больно». Ругательное «подонки» выговаривает с неистовой ненавистью. Белки глаз краснеют. «Ане стремится к учебе. Покупаю ей книги. День не обедаю, чтобы позволить себе сборник сказок. Читаем в транспорте. Дома нет возможности. Муж бьет, если дома зажигаю свет после девяти вечера...»

Муж против того, чтобы Сана работала. Долго умоляла. В конце концов согласился. С одним условием – покрывать голову при выходе на улицу. «Когда въезжаем в Стамбул, переодеваюсь в туалете автовокзала. Нуждаюсь в этой работе. Единственный шанс убежать. На время стать свободной. Ничего поделать не могу. Он – муж. Должна терпеть». У курдов женщины редко выходят за пределы дома. Курдские мужчины относятся к женам как к должному «предмету». Любовь, чувства, преданность – эпизоды из другой оперы. У молодого поколения курдов взгляды изменились. В лучшую сторону, стоит признать...

Сана рассматривает мое лицо. Плачет. Слезы невысказанной материнской боли. «До Ане родила сына. На третьем месяце малыш умер от пневмонии. Была юной, глупенькой, не разбиралась в симптомах. Поздно обратились к врачу. После случившегося муж проклял меня...» Стараюсь не перебивать. Пусть выскажется. С внутренней болью впервые делится с посторонним человеком. Предлагаю присесть, выпить чаю. Испуганно озирается. «Вы что? Нельзя. Я никто. А вы здесь уважаемый человек...» Не настаиваю. Продолжу настаивать – уйдет. Сана не мечтает о Курдистане. Сана не мечтает о целостности восставшей нации. Сана мечтает о счастливом будущем дочери. И все. Больше ни о чем. Все банально – без политики, войн, переговоров. «Мое счастье потеряно. Не верю в него. Ну скажите, как могу стать счастливой, живя в такой среде?! Хотя нет. Буду счастлива, если будет счастлива дочь...» История маленькой женщины большой нации подходит к концу. Шум в подъезде. До редакции добралась болтливая Нуркан из соцотдела...

На следующий день прихожу в офис поздно. Задержался в книжном. Выбрал десяток красочных книг для Ане. Среди них «Убить пересмешника» Харпер Ли. Великая книга, со смыслом. С надеждой. Пусть Ане верит в надежду... Подарки не посчастливилось вручить. Сана на работу больше не вышла. Позвонила нашему пожилому охраннику, сообщила об уходе. «Когда просталась, попросила передать тебе: „Я стану свободной и, если повезет, счастливой!“ Сказала это, бросив трубку. Сынок, такое ощущение, будто ее застали врасплох». Выговорил «спасибо», бросил книги в урну, пошел в сторону лифта. Почему все люди не рождаются и не умирают счастливыми? Абсолютно все...

9

...Живем разными жизнями, которые умудрились пересечься в городе души...

...Крошечные эпизоды длинной ленты жизни. Запоминаются навсегда. Все до мелочей. Цвета, улыбки, движения. Тополиный пух в воздухе, капли росы на листьях подорожника,

лай лабрадора у пруда в парке. Крошечные эпизоды – как рассыпчатое печенье. Откусываешь – крошки липнут к губам, тают в ванильной истоме... Шесть дней из первой осени в Стамбуле стали яркими эпизодами моей жизненной ленты. Шесть дней, запомнившиеся порхающей мимолетностью, свободой порывов, искрометностью чувств. Шесть дней, разрисованные красно-желтыми акварелями признаний, объятий, прикосновений. Шесть дней, исчезнувшие навечно без права на возвращение...

Госпожа Коппола⁴³ будто чувствовала с нами в унисон. Создала сценарий фильма «Bir konuga-bilse...»⁴⁴, непроизвольно списав его из пыльной книги нашей истории. Плагиат исключается. Прodelки Судьбы. Она может сотни раз повторять одни и те же истории в разных точках земного шара. История любви, произошедшая в Таиланде, может перенестись в Страсбург. У нас аналогичный случай. История любви, написанная Копполой в Манхэттене, повторилась в Стамбуле. Повторилась с незначительными изменениями...

...Слушала музыку в больших наушниках. Серого цвета, с логотипом «Sony». «Не терплю ныне модные затычки в ушах. Звучание фальшивое. В больших – шикарный звук плюс ушам тепло». Нервничал. Как можно прятать такие красивые ушки? Немного оттопыривающие, с пухлыми мочками. «Они придают тебе шарм. Обрати внимание, такие у Натали Портман». Подарил миниатюрные наушники. Сначала не принимала. В конце концов уговорил. «О'кей, сменю наушники. Так и быть, пойду ради тебя на такую жертву... „Марунчики“⁴⁵ не простят мне этого». Сказочная улыбка. Смеется аккуратно, обнажая ровные зубы. Полные розовые губы – одна из изюминок. Когда в Стамбуле дул ветерок, она смазывала их жасминовым маслом...

Комплексовала из-за чуток полных бедер. «Ты не полная, мась. У тебя комплекция такая... видная!» Щипала меня за щеку. Небриту. Любила видеть меня с щетиной. «Так сексуальнее, поверь». Моя загорелая кожа на фоне ее молочной напоминала кусок пирога «Зебра» с кофейно-сахарной от-,душкой. Она – сластена, как я. Сходила с ума от сливок с манго, куда добавляла щепотку корицы...

Восхищалась пальцами моих ног. Особенно ногтем большого пальца. «Скажу честно! Мужчины с крепкими ногами моя слабость. Так что влюбилась в твои ноги. Потом в глаза»...

Регина, двадцатитрехлетняя красавица из Санкт-Петербурга. У нее не было внешности Белуччи, Джולי, Андерсон. Совсем другая. Естественная, такая... своя. Никакой вычурности, помпезности, эгоизма. Нет, не простушка. Просто великолепный человек с силой в глазах, светлой душой, фиалковыми глазами. Мы понимали – нам не суждено быть вместе. Мы понимали, у нас времени в обрез – всего шесть дней ее пребывания в Стамбуле. Мы понимали – живем разными жизнями, которые умудрились пересечься в городе души... Между нами зияла пропасть обстоятельств. Встретившись, плевали на все. Не говорили о будущем. Темы о настоящем. Изредка о прошлом. Целуясь, вдыхали в себя возбуждающие запахи слившихся тел. Закрепляли запахами в себе счастливые мгновения. Мгновения без возможности повтора...

Регина приехала в Стамбул с мужем. Формально считался мужем. В жизни – чужой человек, которого на людях представляешь как «мой супруг». Не жаловалась. Один раз заговорила о нем. Два-три предложения. «Сын близкого друга моего папы. Женили насильно. Он был не против – неплохой способ объединить капиталы. Почти не общаемся, хотя живем вместе, спим на одной кровати. Леня на одной стороне, я – на другой. Между нами пропасть или... наш мопсик Феня». Есть сын. Регина называла его исключительно «моим сыном». «Ради ребенка и родителей продолжаем этот семейный фарс. В принципе так комфортнее. Живу для себя, он для себя. По вечерам живем для сынишки...» Часто приезжала в Стамбул. Сопровождала мужа

⁴³ Режиссер, сценарист. Дочь режиссера Фрэнсиса Форда Копполы.

⁴⁴ «Трудности перевода».

⁴⁵ Имеется в виду группа «Maroon 5».

в командировке. «До встречи с тобой не любила этот город. Он какой-то бурлящий. Привыкла к спокойствию Питера. Там чувствую себя комфортно. Рядом с тобой Стамбул вижу другим – мягким, чертовски родным. Около тебя счастлива...»

Услышав ее мнение о Стамбуле, чаще стал приглашать выйти в город. Обошли достопримечательности, вершины, мосты. Завтракали в кафешках на Истикляль Джаддеси⁴⁶, после чего в обнимку шатались по древним улочкам. Завидев старомодные красные трамвайчики, махали бровастому шоферу. Останавливал, мы запрыгивали в вагончик, прижимаясь друг к другу. Целовались под звон трамвая, движущегося в атмосфере легкой ностальгии. Вместе кормили голубей крошками булки с кунжутом. Часами просиживали на скамейке, вслушиваясь в песню Босфора. Часто взбирались на Галатскую башню, с легкостью преодолевая сто сорок три древние ступеньки. Встречали закат, наблюдая за засыпающим Золотым Рогом. Бухта утопала в бледно-оранжевой дымке вечера. Потом возвращались в отель, где кормили друг друга оливками, кувыркались в сугробах собственной любви...

...Время пролетело быстро. В субботу Регине предстояло возвращаться в Санкт-Петербург. Не хотели думать об этом. Хотелось забыть. Реальность жестока... Конец такой, как в кино о трудностях перевода человеческих чувств. Прощались в фойе отеля. Крепко-крепко прижал к себе. Регина закрыла глаза, словно пыталась запомнить мгновение. Поцеловала в губы, забежала в кабину лифта. Надела серые наушники, нажала кнопку. Двери с зеркальным покрытием закрылись. Не обменялись номерами, адресами. Так правильнее...

Спустя час сидел в баре недалеко от дома. Запивал боль утраты мартини с оливками. Нашими любимыми черными оливками. Записал мобильный. Пришло эсэмэс. «Почему сказки быстро заканчиваются? А может, это был сон? Люблю. Р.» Перезваниваю. «Набранный номер вне зоны доступа сети. Позвоните позже». Сказки быстро заканчиваются. Сказки никогда не забываются...

10

...Щекощущий ноздри аромат долетает до нас, манит к себе...

...Жить на Востоке без веры в суеверия – значит жить в Париже без флакончика французских духов.

Пробегающая черная кошка, женщина с пустым ведром в руках, зеркало на одном из подоконников дома, трижды сказанное «бисмиллах»⁴⁷ перед сном. Хоть энциклопедию составляй... Жертвой суеверий стал с первых мгновений жизни. На утро после выписки из роддома. Прабабушка Пярзад, склонившись над моей кроватью, пробормотала молитву. Затем с гордостью прицепила булавкой на матрас амулет от сглаза. Назар-бонджук. Он не покупается. Передается по наследству. Причем в большом количестве. Если синий амулет треснул – сглазу дан отпор. Поэтому следует сразу заменить на новый. Мой назар-бонджук, к счастью, цел. Храню вместе с миниатюрным Кораном в шелковом чехле. Для сына или дочери...

В Стамбуле пропитался не только суевериями, но и традициями. Последние влились в быт. Придали повседневности схематичность. Дискотечный драйв по субботам, хамам⁴⁸ по воскресеньям, солярий по четвергам после работы. Жизнь не расписана. Расписаны необходимые «процедуры». При свойственной сумбурности здорово помогает. До переезда в город души тонул в хаосе. Сбившийся ритм приводил к депрессиям...

⁴⁶ Улица в центре Стамбула.

⁴⁷ «Во имя Аллаха» (араб.).

⁴⁸ Баня (турец.).

В отношении к традициям с Зейнеп сходимся. В ее красной большущей сумке, где можно отыскать все, кроме конкретно нужной вещи, ежечасно попискивает органайзер. Напоминает о предстоящей лекции, приеме витаминов, встрече с учителем русского языка. В темы органайзера не вносится время встреч со мной. Об этом любимая помнит с точностью до минуты. Как я. Порой, кажется, мы даже дышим «в дуэте»...

...Претворение в реальность одной из традиций намечено на каждую пятницу. Ближе к десяти утра пятого дня недели встречаемся в районе Эминё-ню. Оттуда отправляемся на Мисир Чаршысы⁴⁹. Лучший базар мира, с 1660 года расположившийся под сводами Новой мечети. В его лабиринтах разгуливает иной воздух. Не чувствуется веяний Босфора. Отдельное королевство. Отдельные законы, порядки, вкусы. Воздух Египетского базара – клубок из тысячи знакомых, незнакомых запахов. Испарения от специй, сыров, овощей, сухофруктов, эссенций, масел смешались под древними куполами, откуда острыми стрелами вонзаются в посетителей. Если верить слухам, здесь сам Зюскинд вдохновился на написание «Парфюмера», когда нечаянно раздавил ногой завалявшийся помидор. Кисловатый сок прогнившего овоща фонтаном брызнул на стекла очков знаменитого прозаика. Сюжет будущего бестселлера окончательно сформировался...

Отказываемся от безжизненного полиэтилена. Только торбы из коричневой бумаги, плетеные корзины. Перед походом на базар Зейнеп заплетает волосы в тугую косу. Среди турчанок – желательная процедура. Ведь волос сыпется. Некрасиво, если попадет в продаваемую пищу... Она надевает светлую блузку, длинную свободную юбку, мокасины. Вытаскивает из шкафа корзины. Составляет список необходимых продуктов. В полной готовности как минимум на два часа ныряем в океан вкусов...

Продавца каждого из дукканов⁵⁰ знаем в лицо. «Эфендим⁵¹, у вас очень красивая супруга. Берегите ее, как Аллах бережет своих ангелов», – говорит горбатый старичок-продавец молочных продуктов. У него в руке трость из кизилового дерева. На голове шапочка из тонкой овчины. Зейнеп краснеет. Меня переполняет гордость. Не объясняю старичку, что пока не связаны узами брака. Так приятнее...

Сегодня Египетский базар вмещает в себя около сотни дукканов. Наиболее востребованы лотки со специями, парфюмерией. Зейнеп отказывается от гелей для душа, смягчающих лосьонов для тела. Покупает натуральное мыло. Изготавливается в турецких деревнях из жирного оливкового масла, цветочных эссенций. Плохо пенится, эффект потрясающий. «Моя бабушка варила такое мыло. Купалась им. Прожила сто пять лет. Кожа была как у младенца». Покупаю два килограмма «секрета красоты» – пошлю матери, подругам в Москву...

...Пока выбираем баклажаны с апельсинами, наши мысли приютились около одного из дальних дукканов рынка. Уголок восточных специй. Щекочущий ноздри аромат долетает до нас, манит к себе... Беззубый старичок Оздемир. Коричневая кожа, седая борода, сине-бордовый тюрбан на лысой голове. Говорит так, будто поет. Трудно разобрать слова. Зато цену выговаривает четко. Шутливый хитрец с лупоглазой мартышкой на правом плече. Она вечно грызет миндаль в сахаре. Удивительно, как еще не растолстела. Называем Оздемира «королем специй». Несмотря на широкий выбор пряностей, ему нет конкурентов. Товар на вид такой же, как у других. На вкус иной – магический...

Оздемир – легенда Египетского базара. Местожительство старичка неизвестно. Все приходят – он уже раскладывает товар. Как проникает в закрытый по утрам склад, никто не знает... Большинство называют Оздемира шайтаном. Некоторые – божьим посланником. Ведь помимо специй он торгует лекарствами от любых недугов. Зеленоватую траву с розовыми лепестками

⁴⁹ Египетский базар (турец.).

⁵⁰ Лавка (араб.).

⁵¹ Господин (турец.).

местный люд называет лучшим средством от подагры. Добавляешь в мокрую глину, перед сном обмываешь ноги. На пятнадцать минут. Смываешь виноградным уксусом, разведенным в воде. Спустя неделю подагра растворяется... Золистый порошок с кристаллами соли – панацея от ревматизма. Растворяешь в кипятке, принимаешь двадцатиминутные ножные ванны. Эффект гарантирован...

У Оздемира мы постоянные клиенты. Не расхваливает товар. Приветствует безмолвно, раскрывая руки, мол, выбирайте. Над его головой соблазнительно свешиваются «букеты» сушеной окры, красного перца, инжира. Они шумят на ветерке, аккомпанируют залиvistому говору хозяина. Половину денег оставляем у Оздемира. Шафран, кунжут, кардамон, зеленый тмин, молотый перец, карри, куркума. Специи яркими горками заполнили деревянную витрину колдуна. Берем всего понемногу. Побольше куркумы. Добавляем этот желтый порошок чаще в спагетти. Столовая ложка в кипящую воду, еще средняя – кора корицы, четыре чайные ложки оливкового масла, часто помешиваем. Вашему спагетти позавидует любая итальянка...

Перед уходом навещаем дуккан Ханифе. Вокруг толстушки галдят семеро детишек. Разного роста. Все с родинками на носах. Ханифе продает лучшие в Стамбуле плетенные вручную мочалки – кесе. Они в основном используются в хамамах для отшелушивания омертвевших клеток кожи. Никакой скраб не сравнится. После кесе станвишься красным, как рак. Прилив крови колоссальный...

...Покидаем Египетский базар в полумертвом состоянии. С трудом разъезжаемся по домам. Усталость приятная. Как-никак, увиделись с друзьями. Колдун Оздемир, пампушка Ханифе, болтливый Орхан и другие. Герои нашего стамбульского счастья. Герои наших стамбульских традиций...

11

...То, что другим достается с легкостью, мне достается через трудности. Мама связывает это с моим рождением в понедельник...

...Ненависть с первого взгляда. Игла с ядом пронзила обе души одновременно. Между двумя женщинами набухает серая туча непонимания.

Молния пронзила третьего персонажа первой встречи. Вспотел, запаниковал. Достаточно колкий разговор для долгожданного знакомства. Будущей жены с будущей свекровью. Столкнулись два совершенно разных менталитета. Ни один из них не намерен сдавать позиции. Вспыхнула «холодная война»...

Она из Волгограда. Восточная культура притягивала давно. Цитировала Низами Гянджеви⁵², готовила долму из виноградных листьев, изучала законы ислама. Никакого корыстного интереса. Обычный интерес. Зародился в тринадцать лет. В день, когда дочитала роман о «птичке певчей». Поступив в университет на факультет журналистики, занялась изучением турецкого языка. Хотелось прочесть Гюнтекина⁵³ в оригинале. Знание третьего языка не мешает. Турецкий дался на удивление легко. Будто, зная его, немного позабыла. Знак свыше...

Учитель порекомендовал русскую ученицу директору сети магазинов одежды. Требовалась местная работница со знанием турецкого. На тот момент в Волгограде пользовалась популярностью турецкая одежда. Доступно в цене, качество терпимое. Оформили сразу – менеджером по закупкам. После лекций приходилось бежать в офис. Созваниваться с поставщиками, формировать на компьютере заказы. Работа нравилась. Чувствуешь связь с Востоком. Связь со Стамбулом, где никогда не бывала... Сама не заметила, как влюбилась в директора. Обая-

---

⁵² Великий азербайджанский поэт.

⁵³ Решад Нури Гюнтекин, турецкий писатель.

тельный парень с ямочками на щеках. Понимающий, деловой, собранный. Ну чем не опора в жизни? Намерение серьезное. Первым делом познакомился с родителями девушки, потом полез целоваться. На скамейке. В рыжем осеннем парке. Знакомый дебют турецко-русских романов с малоприятным продолжением...

Кристина, двадцать шесть лет. Худенькая блондинка с миндалевидными глазами. Небольшая грудь, веснушчатая кожа. Родинка на контуре верхней губы. С акцентом говорит на турецком. Грамотно, с объемным запасом слов. Сотрудница нашей редакции. Переводит новости российских информгентств для отдела политики. Средняя зарплата, условия приемлемые, удобное рабочее место. На экран компьютера прилепила российский флажок. На рабочем столе монитора – фото ночного Стамбула. С коллегами ладит. Турки уважают грамотных специалистов из России. Важно, как себя поставишь. Кристина замужем за турком. Факт, вызывающий ее в глазах работодателей...

...Обеденный перерыв. Забежали в ближайшую кафешку. Заказали блюдо из баклажанов с рисовым гарниром. Пьем айран. Кристина рассказывает об отношениях со свекровью... Муж-турок – единственный сын семьи. Будучи в Волгограде, Кристина читала, что в Турции на таких мальчиков возлагают надежды рода. Так и оказалось. Пришлось нелегко...

«Все постигаю через сложности. То, что другим достается с легкостью, мне достается через трудности. Мама связывает это с моим рождением в понедельник...» Когда отношения только разгорались, Кристину не страшил брак с человеком другой национальности. В другой стране. Безмерная любовь к Тахиру вселяла уверенность в завтрашнем дне. К тому же сам Тахир предупреждал:

«Первое время будет непривычно. Я рядом. Вместе преодолеем сложности».

Передав управление бизнесом младшему брату, покинули Волгоград. Переехали в Стамбул. Там отцовский бизнес, всегда тепло, созданы условия для семейной жизни. Свадьбу планировали сыграть в марте, спустя три месяца после переезда. Родители Кристины не противились. Радовались за дочь: как-никак попала в надежные руки. Уж больно им понравилась серьезность заморского красавца. Торжество планировалось организовать в европейском стиле. Без мусульманских обычаев...

До отъезда в Стамбул Кристине снились восточные базары, дворцы шейхов, как в «Тысяче и одной ночи». Реальность оказалась приятной, город – изумительным. Но все-таки это была реальность, а не сказка с яркими иллюстрациями...

Не на шутку волновалась перед знакомством с будущей свекровью. На фотографиях белокожая женщина с покрытой головой казалась милой. Чем-то походила на маму Кристины. Разрезом глаз, формой бровей. Приземляясь в аэропорту Ататюрка, надеялась, что «вторая мама» встретит с распростертыми объятиями. Ожидания не оправдались. В жизни свекровь по имени Фиген обладала холодной внешностью. Восточной теплоты – ноль. Морозный взгляд, бледные щеки. В карих глазах презрительность...

В вестибюле аэропорта Фиген ревностно оглядела спутницу сына. Задержала взгляд на короткой малиновой юбке, розовом лаке на ногтях, приоткрытом декольте. Вместо поцелуев в обе щеки сухо поздоровалась. Прощешила «добро пожаловать», после чего переключилась на сына. Обнимала его со словами «Аннинин кузусу»⁵⁴, осыпала поцелуями, сетовала на худобу. Для турецких женщин дети – единственный смысл жизни. Живут, дышат ими, с трудом отпускают от себя. Особенно если единственный ребенок в семье. В свою очередь, для турков мать – основа. Создание, сошедшее с ладони к Аллаху. Редко когда сыновья пренебрегают словом матери...

...Кристина настаивала на отеле. Тахир упросил некоторое время пожить с матерью. «Познакомьтесь поближе». Согласилась... Фиген – вдова. В 2000 году муж скончался от

---

⁵⁴ Мамин ягненок (*турец.*).

инсульта. Жила с родной сестрой, так и не вышедшей замуж... В просторной, безвкусно обставленной квартире Тахиру с Кристиной выделили большую комнату. Пока располагались, Фиген шепталась с сыном. Крестину не замечала. Лишь голубоглазая сестра ухаживала за гостями, интересуясь развитием ислама в России...

Кристина знала: при свекрови одеваться следует скромнее, сына целовать нежелательно. Лучше помогать на кухне, интересоваться процессом приготовления пищи. Когда Кристина попыталась помыть посуду после обеда, Фиген возмутилась, мол, не притрагивайся, сама сделаю. «Свекровь не берегла мои руки. Скорее брезговала „порочной женщиной“, коей меня считала... Она хотела женить сына на девятнадцатилетней дочери двоюродной сестры. Одним словом, на турчанке. И представь, из России возвращается сын с русской девушкой. Заявляет о желании жениться. Планы рушатся, в матери вскипает злоба. Она осознает – сын настроен серьезно... К тому же, дура я, поехала на знакомство с осветленными волосами. В среде взрослого поколения турков обесцвеченные блондинки имеют плохую репутацию». Тахир замечал напряженность ситуации. «Обнимал меня со словами: „Я тебя люблю. Это самое главное, правда? Мать смиритесь... Надеюсь“. Пока находились в родительском гнезде Тахира, свекровь воинственно вмешивалась в жизнь молодых. Устраивала разборки сыну, когда тот заговаривал о предстоящей свадьбе. Свадьбе вне мусульманских обычаев...

Через три месяца поженились. Переехали в трехкомнатную квартирку в новом жилищном комплексе. Живописный район Стамбула, с балкона – вид на бухту. На торжестве Фиген не присутствовала. Закатила истерику за день до свадьбы, обозвала сына „грешником“...

...Кристина закуривает. Выжимает на рис лимонный сок. «В глубине души не верила, что Тахирчик выстоит. Как-никак, мать осталась одна – без мужа, сына... Сейчас часто навещает ее. Пытается помириться, снабжает деньгами. Она молчит, смотрит на сына с тоской. Иногда расспрашивает о внучке. Тахир приглашает в гости. Отказывается. Мною не интересуется. Наплевать... Мы любим друг друга. Мы отстояли свою любовь. Врут те, кто говорит, что поругаться с турецкой свекровью значит положить цветы на собственную могилу семейной жизни».

...В прошлом году у Тахира с Кристиной родилась чудесная дочь. Назвали Фиген. В честь матери мужа. В Турции – это негласная традиция... Каждый день, забирая дочку из детского садика, Кристина замечает припаркованную у ворот фиолетовую иномарку с приспущенным стеклом. Чувствует пристальный взгляд на себе и дочери. Знакомый холодный взгляд. Приглядывается к машине, подходит ближе. Окно моментально закрывается, автомобиль на скорости отъезжает. Кристина знает, кто за ней следит. Одинокая «снежная королева» с растаявшим сердцем, но с непоколебимой гордостью...

12

...Быть свободным – значит никогда не желать. Быть свободным – значит желать, добиваясь желаемого...

...Жизнь без свободы порывов – словно прозябание со связанными руками. Вокруг решетка быта.

Под ногами лужи предрассудков. На ресницах слезинки замороженных желаний. Отсутствие свободы порывов оседает на дне души горечью сожалений. Возникает желание сделать рискованный шаг, но эссенция из гордости, страха, ответственности растворяет порыв. Обрезаешь сам себе крылья...

Не всегда хватало смелости поступить так, как хотелось. Наплевать на советы, прислушаться к сердцу. Задвинуть шторы перед окном разума. Впрочем, стремление обрести свободу порывов с годами продолжало нарастать. Укреплялось. Расцвет произошел в городе души, где,

наконец, ощутил моральную свободу. Босфор наградил. Наблюдая за синими волнами, боролся с комплексом внутренней сжатости – хроническая «болезнь» жителей мегаполиса. Стамбул такой же большой, ритмичный, гудящий. Однако в тамошнем воздухе витает некое тепло, не оставляющее без внимания ни одного жителя...

Босфор по-юношески отважен. Уверенно называет себя свободным. «Быть свободным – значит верить в собственные желания. Многие из них кажутся неосуществимыми. Так кажется. Просто надо сделать первый шаг. Дальше – легче... Быть свободным – значит никогда не жалеть. Быть свободным – значить желать, добиваясь желаемого». Теория мудрого Босфора. Дни, месяцы, года, века научили морского друга вере. Он верит, даже когда выюга нагоняет пенистые волны...

В Стамбуле сделаны первые шаги к свободе порывов. Без «задних» мыслей о деньгах, условиях, возможностях. В Стамбуле отважился сделать то, что при обдумывании могло показаться неоправданным. Если требовала душа, требования немедленно выполнялись. «Лучше сделай, чтобы не жалеть. Обернется ошибкой – ничего страшного. Опыт не помешает. Обернется удачей – не забудь поделиться с ближним». На этот раз мамина философия. По-восточному щедрая.

...В первые годы проживания в городе души ностальгия обуревала. Проявлялась во всем. В мебельно-коричневых дверцах кухонного шкафа, будто перенесенного в Стамбул из нашего дачного домика. В слое пыли на экране телевизора – в детстве на нем «рисовал» пальчиком смешные каракули. В розовых прищепках – ими мама закалывала мокрые рубашки. На бельевой веревке они свисали рукавами вниз. Плакали. Капли, будто слезы, стекали на холодный пол. Темнели, расширяясь. Некоторые прищепки, не выдержав нагрузки, раскалывались на две части. Отлетали в разные стороны балкона. Здорово веселило. «Бусы» из прищепок мама надевала на шею. Они забавно трещали, бледнели на солнце...

Особенно тоскливо становилось, когда из окна офиса замечал жизнерадостных школьников, переходящих дорогу. Беззаботных, энергичных, по-настоящему свободных. Наблюдая за ними, скучал по утраченному времени. Возникало желание оказаться во дворе своей школы. Под кронами поседевших сосен, в окружении поющих воробьев. Помню, они слетались на подоконник нашей классной комнаты. На переменах открывал окно, кормил птиц крошками булки со сливовым джемом. Две булки, положенные бабушкой в портфель, доставались голодным птицам. Оставаясь без обеда, я худел на глазах. Бабуля волновалась, причитая, «как при таком кормлении ребенок остается прозрачным?!» На следующее утро взволнованная родительница заставляла садиться на унитаз. Кал для анализа на выявление глистов должен быть свежим...

...К концу недели тоска по школе вогнала в депрессию. Желание, промелькнувшее в душе, рвалось наружу. На карточке последняя тысяча долларов. Нужно дотянуть до следующей зарплаты. «Не будь глупцом! Ну, полетишь на родину, ну увидишь школьный двор. Потом весь месяц палец сосать?! Успокойся. Вот на Новый год поедешь, тогда и заглянешь в школу». Разум противоречил наставлениям сердца. В свою очередь, сердце настаивало на обратном. «Все равно деньги уйдут. Лучше потратить для своего удовольствия. Отпросись на работе, соберай вещи. Вперед! Вернись в школу, вдохни воздух беззаботного прошлого. Вас разделяет два с половиной часа лету...» Не долго думаю. Пишу имейл шефу, прошу дать разрешение на внеурочный отпуск. Не дожидаясь «ок». Бегу домой, собираю вещи. Пристраиваю Айдынлыг к Шинай. Такси везет в аэропорт. Куплен билет «туда-обратно». К полудню прилетаю, поздно ночью улетаю...

...Вечером школьный двор какой-то изможденный. Опустевший, утопающий в тумане безмолвия. Не многое изменилось за восемь лет. Облицовку здания обновили, стволы сосен побелили. В остальном все так же. Время не коснулось школьного здания. По-прежнему стойкое, чуть темное, с холодными стенами. Трава на стадионе местами полысела, любовные признания некого Леши из 9 «б» по-прежнему «украшают» железную дверь подвала. Трещина на

оконном стекле передевалки все еще заклеена синей изолентой... Душат слезы обретенного счастья. Присаживаюсь на каменные ступеньки перед входом в школу. Вокруг тишина. Такое ощущение, будто дворик оторван от реальности. Не слышно проезжающих машин, гудения трансформатора, весеннего ветра. Облокачиваюсь спиной о стену. Рассматриваю школу, вытираю слезы с красных щек. Перед взором возникают видения...

Вижу себя. Худого мальчугана в синей форме. Оттопыренные уши. Темные выющиеся кудри выглядят небрежно. Брюки, как всегда, измазаны чем-то белым. Шнурки туфель развязаны. Из портфеля высыпаются ручки, карандаши – в очередной раз сломалась крышка пенала. Углядываю обиду в глазах школьника. Видимо, свиноподобный спортсмен из старшего класса опять подставил подножку. Обозвал «лупоглазым кузнечиком». Обида мгновенно исчезает с появлением Даши из параллельного класса. Русоволосая девочка с веснушками на лице. Глаза небесного оттенка. Худенькая. Первая любовь. Затаившаяся, скромная, окрыляющая... В седьмом классе Дашу забрали из школы. Родители уезжали в Иерусалим. Любовь закончилась, угли невысказанной любви долго тлели. Тлели болезненно...

...Одна сигарета сменяется другой. Никотин не способен сдвинуть с места противный комок в горле. Он душит, вызывает слезы. Прошлое отпустил... До возвращения в Стамбул считанные часы. В 22.30 вылет. На часах 20.03. Еще надо успеть заглянуть к родителям. Покидаю школьный двор. Душа ликует, разум бранится. Как прекрасно обладать свободой порывов! Она добавляет в жизнь больше смысла. Теперь в сердце нет неисполненного желания. 1:0. В мою пользу... Верить в свободу важнее, чем быть свободным... Веру ничем не восполнишь...

13

*...Между нами часы, которые уходят без права на возвращение.
Зато их можно компенсировать...*

...Когда между нами расстелены расстояния, тянемся друг к другу душами. Вырываются из нас в ритмичном биении, обливаются алым соком. Спешат стать единым целым. Болезненные порывы. Расстояние закаляет организм любви, здорово подрывая иммунитет к изменам. Проверка на прочность...

Зейнеп сажает подсолнухи в глиняные горшочки. Семена оседают в черной земле в день моего отъезда. Раскладывает горшочки в зимнем саду. Поливает водой из лиловой лейки. Удобряет специальным составом. Сушеные лепестки лотоса, перемешанные с пятью нитями шафрана. В Турции подсолнухи – символ светлой надежды. Выращивая их, выращиваешь надежду. Если семена не дали ростков, значит, надежда сгниет в почве реальности. Никакой магии. Скорее, традиции...

«Есть большой минус. Не умею ждать. Терпение отсутствует. Я даже родилась шестимесячной. Положенного срока не дождалась. К кому спешила? Угадай... Ждать тебя сложнее. Больнее... Лелея подрастающие подсолнухи, наполняюсь надеждой. Единственная отдушина... Между нами часы, которые уходят без права на возвращение. Зато их можно компенсировать». Не плачет при проводах. Сжимает в кулачке голубой платок. Вытирает красный нос, сдувает челку с глаза. Не отпускает руку. Держится так, будто боится потерять навсегда. Глаза сухие. В них вулканы, извергающиеся тоской. Сдерживается. «Слезы засоливают надежду. Уверена, скоро снова поцелую тебя... Ты правильно как-то подметил. Мы, люди, не свободны. Обречены обстоятельствами, ответственностью. Так хотела поехать с тобой...» Никаких наставлений. Не обязываем друг друга лишними словами. Минимальное количество клятв, обещаний. Бессловесное доверие душ... Скучаю по запаху Зейнеп. Воздушно-подслащенному. Оттенки сирени, лилии, цветов абрикоса. Редко душится. Чаще чистый, естественный запах...

С другими Зейнеп категорична, открыта, требовательна. Со мной – как котенок. Белый, пушистый, словно сахарная вата. Тесно прижимается. Белоснежные простыни под ней завораживающе шуршат. Из-под одеяла выглядывают маленькие ножки с персиковым лаком. Зейнеп любит прятаться под одеялом. Дышать с жарким эхом, теревить меня за нос, перебирать пальцами волосы. «Почему так люблю тебя?» В наше темное пространство заплывает аромат свежесваренного кофе. «...потому что мы оба обожаем подсолнухи!» Прикасаюсь ладонью к ее затылку, притягиваю к себе. Утро возможностей...

Разлука разъедает, если не принять ее временным фактором. Будучи на расстоянии, созваниваемся не чаще трех раз за день. Не регламент. Если будем беседовать чаще, то наслаждение перерастет в зависимость. Она посылает красноречивые эсэмэски. Отвечаю короткими, односложными. Главное, чтобы в меседже присутствовали пять волшебных букв. «Л», «Ю», «Б», «Л», «Ю»...

Зейнеп пишет, что подсолнухи покрывают скучающее сердце пыльной спокойствия. «Часто прихожу в твою квартиру. Прибираюсь, заполняю холодильник „Эфесом“, яблочным соком. Вдруг неожиданно приедешь... Хожу босиком по квартире. Ловлю твой запах. Нюхаю подушку. На ней аромат родного одеколона. Не меняю твою постель. Пропитана тобою. Иногда раздеваюсь, залезаю под твоё одеяло. Тогда ты рядом». Тяжело отвечать на такие письма. Глаза наполняются слезами, на дно желудка с грохотом падает камень тоски. Нельзя скिसать. Нельзя поддаваться сентиментальности. Отвечаю твердо. Поддержка между слов. «Малыш, через считанные месяцы будем вместе... Seni seviyo-gum⁵⁵». Уверенность передается сквозь тысячи километров...

...Ночью тоска по частичке обостряется, как язва после острой пищи. Темная комната, в которой тщетно пытаешься заснуть, заполняется зимним воздухом одиночества. Мерзнешь, прячешься под одеялом. Сжимаешь голову подушкой, чтобы не слышать треска льда на стенах. Включаешь ночник на тумбочке. Лампочка лопается. Закрываешь глаза. Страшно. Спасают эпизоды совместных мгновений в Стамбуле. Полные света, страсти...

Спокойно засыпаешь после беседы с ней. Чуть больше разговариваем около полуночи. Перед сном. Мобильный звонит инструментальной версией песни Ханде Йенер⁵⁶. Эксклюзивный звонок для Зейнеп. Поднимаю трубку. Меня засасывает в искрящийся электричеством тоннель. Кружится голова. Вокруг фиолетовые вспышки, розовые лучи. Здесь час как полсекунды. Через мгновение оказываюсь в городе души. Сам не понимаю как. Рядом Зейнеп. Сидим на побережье, считаем звезды. Неожиданно с неба падает одна из них. Самая крошечная. Успеваем загадать желание. Одинаковое желание в один голос. «Быть всегда с тобой». Произносим слова-близнецы так, будто заучили заранее. Дышим, любим, чувствуем одинаково. Редкий случай... Прижимаюсь губами к ее губам. Необычайно теплые, чуть сухие. Снова вспышка. Снова тоннель. Покидаю Стамбул. Снова в кровати. Сон, чудо или реальность?.. Засыпаю.

...Мама смотрит на фото Зейнеп. Скорпионы недоверчивы. Не делают преждевременных выводов. Задаёт всего два вопроса «Хорошо готовит?» «С высшим образованием?» Смеюсь. «Не для того тебя растила, чтобы питался ресторанной пищей. С твоим-то гастритом...» Продолжаю смеяться. Мама с годами больше становится похожа на Катрин Денев. Носит такое же синее платье с шелковым поясом. Мажет помаду кирпичного колера. Ну, чем не одна из «Восьми женщин»⁵⁷?! «Сынок, мне важно твое счастье. Приближается момент, когда я передам тебя из своих рук в другие руки... Не забывай о благословении матушки». Отмечает симпатичность Зейнеп. «Немного полноватая. Хотя ты у меня тоже не тростиночка. Правда, после родов

⁵⁵ «Люблю тебя» (турец.).

⁵⁶ Поп-звезда Турции.

⁵⁷ «Восемь женщин» – фильм французского режиссера Франсуа Озона.

она располнеет. Ничего, доверься маме. Настойка из алычи, эликсир куркумы после обеда... Станет куклой!» Не делает категоричных выводов. Ждет встречи с будущей невесткой...

...Зейнеп позвонила вчера рано утром. С опозданием взял трубку. Принимал душ. «Милый, не представляешь себе, какая красота. Сегодня утром расцвел первый подсолнух. У него сочно-желтые лепестки. Классно, да?.. И еще. Хочу кое-что добавить. Знаешь, безумно люблю тебя. Очень жду. Возвращайся скорее»...

14

...Строим жизнь по собственному сценарию. Такова действительность. Действительность с годами признавать сложнее сложного...

...Оглянуться назад, признать допущенные ошибки, оценить яркость счастливых моментов. Оглянуться со словами: «Жизнь прожил так, как хотел. Жизнь прожил не по стечению обстоятельств». Смелости хватает двум из десяти. Оставшаяся «восьмерка» промолчит. Предварительно посетует на то, что «многое в жизни не зависело от нас». Строим жизнь по собственному сценарию. Такова действительность. Действительность с годами признавать сложнее сложного...

...Никогда не жаловался. На людей, судьбу, окружение. Если больно – улыбался. Если терял надежду – возносил руки к небу. Если не понимал решений Аллаха, опускал голову. Не жил для себя. Карма. В девятнадцать лет потерял родителей – с промежутком в год оба высохли от рака. На поминках не плакал. Молча слушал муллу. В голове вертелись мысли из очевидной реальности. Теперь на нем остались восьмилетние сестры-близняшки. Плакать нельзя, думать надо об их будущем. Выживает сильнейший...

С одной работы бежал на другую. До шести вечера служил кассиром в продуктовом. Остальное время разгружал, солил, замораживал рыбью икру. Домой возвращался к полуночи. Без сил на ужин. Сверял счета, проверял уроки сестер. Засыпал прямо за столом. Подушкой служили мозолистые ладони. «Переживать, плакать времени не было. Сынок, в мою пору мужчины не плакали. Это сейчас кругом сентиментальность. Отрачивают волосы, сережки надевают, в женщин превращаются. Не осуждаю. У каждого времени свои законы. Аллах всемогущ»...

Раджаб-эфенди⁵⁸, семьдесят два года. Седые усы, на щеках паутина морщин. Хромает на одну ногу. Правой рукой придерживает поясицу. Одевается блекло. Серый костюм, ботинки из черной потрескавшейся кожи, рубашка с потертым воротником. Носить костюмы – привычка с молодости. Вопреки сложностям быть всегда в форме. Правило трудоголика... Раджаб-эфенди отец моего товарища. Десять лет назад, предав тело жены земле, покинул Стамбул. Оставил собственный магазин на сестру. Собрал чемодан вещей, положив в сложенный свитер рамку с фотографией супруги. Вместе с имеющимся капиталом взял курс в Эрзурум. Восточная часть Турции. Горная деревня городского типа. Население около полтысячи человек. Убаюкивающая тишина, сладкий воздух, много зелени...

...Довелось встретить Раджаба-эфенди, когда он приезжал на праздник Рамазан к сыну. Дружим с Мустафой около полугода. Познакомились на конференции журналистов в Анкаре. Давно приглашал в гости. Вот выдался повод... С папой Мустафы сразу разговорились. Старик с доброжелательностью в глазах. Курит трубку. Время от времени откашливается. Жалуется на боль в горле. «Пап, вот бросишь травиться никотином, все пройдет», – переживает Мустафа. Предлагает чай с пахлавой. На столе скатерть из золотистых нитей, на диване сопит рыжий кот

---

⁵⁸ Уважительное обращение в Турции.

с длинными усами... Интересуюсь жизнью в Эрзуруме. По социальному уровню провинция уступает стамбульским реалиям. Тамашнее население часто бастует в связи с бытовыми проблемами. Телевидение редко освещает провинциальную жестокость. Выгоднее показать очередную дизи⁵⁹...

«Сынок, зачем гневить Всевышнего?! Доволен. Живу для себя, развожу овец, пью великолепную деревенскую воду. Воздух горный, легкие отдыхают. Сколько можно потреблять столичный смог?!» Раджаб-эфенди полюбил одиночество. Он всегда жил для окружающих – сестер, жены, сыновей. Жил, забыв о себе. «Не отпускало чувство ответственности. Вырастил сестер, выдал замуж. Потом вспомнил о себе. Поздно женился... Не жалею. Все делал с душой. Всем халял олсун⁶⁰. Впрочем, так много хотелось сделать. Много не успел. Не все ведь потеряно?»...

Корни у Раджаб-эфенди эрзурумские. Мать родилась в этом городе. После замужества переехала в Измир. Оттуда в Стамбул. «Мечтала вернуться в Эрзурум. Отец противился. Человек, выросший в центре, в провинции не уживется. Мама часто вспоминала родную деревушку. Дом с зеленой дверью, овец, которым давала имена.

Помню, по вечерам плакала слезами ностальгии. Успокаивал. Обещал, что, когда вырасту, обязательно выкуплю дом маминого детства. Верну в утраченную пору».

После смерти матери Раджаб жил этой мечтой – выкупить дом в Эрзуруме, поселиться там, разводить овец. Претворить в реальность мечту долго не удавалось. Приходилось содержать семью, посвящать детям всего себя. «По утрам просыпался с мыслью о мечте. По ночам засыпал с мыслью о мечте. Часто видел во сне маму, сидящую на пороге разрушенного дома в Эрзуруме. Подбегал к ней. Она с укором говорила: „Верни меня домой. Умоляю...“ Если не осуществил бы ее мечту, никогда не простил бы себе... Много лет прошло. Разменял седьмой десяток. Сейчас уверенно могу сказать, что мечта исполнена!»

...Уже как три года живет в Эрзуруме. Выкупил материнский дом, отреставрировал. Ухаживает за садом. Выращивает персики, разводит овец. «Теперь ложусь спать со спокойным сердцем. Мечту мамы выполнил, сыновей вырастил, деревья посадил. Вечерами завариваю кофе, сижу в дворике, наслаждаюсь величием Паландокена⁶¹». Он необычайно счастлив зимой, когда вокруг него собираются горнолыжники. Раджаб-эфенди допивает чай.

Отодвигает в сторону бардак, предлагает сыграть в нарды. С удовольствием соглашаюсь.

15

...Один милосердный поступок смывает два греха...

...Протянуть руку помощи ближнему, вытянуть из трясины замешательств, вернуть на бугристый путь жизни. Добро вознаграждается добром. Эффект бумеранга. «Один милосердный поступок смывает два греха». Восточное высказывание. Аллах раскрывает райские ворота перед теми, кто верит, терпит, помогает... Впрочем, во всем есть исключения. В Святых Писаниях тоже. Есть люди, которым помочь хочешь, но не можешь. Завуалированное личное пространство. Они сделали свой выбор. Не имеешь права осуждать, критиковать. Всевышний рассудит. Тебе остается выслушать, подержать в теплой ладони холодную руку, красноречиво помолчать. Поддержка или милосердие? Кто знает. Делаешь от души, не думая, как назвать...

«Когда будем прощаться, сделай услугу. Захвати солнце с собою. Оно больше не нужно. Оно ненавидит. Оно осуждает. Жизнь в темноте. Становишься невидимым. В темноте слезы

⁵⁹ Телесериал (турец.).

⁶⁰ На здоровье (турец.).

⁶¹ Горы на юге от Эрзурума, достигающие 3185-метровой высоты.

не видны». Сдавливает остаток сигареты в фиолетовой пепельнице. На ногтях потрескавшийся лак. Черный цвет сильно выделяется на белоснежной коже рук. На запястье татуировка. Полумесяц, проколотый иглой. Вокруг – плачущие звезды. Со смыслом. «Когда-то была счастливой, как полумесяц. Сейчас он медленно разрушается. Игла делает свое дело. А звезды? Надеюсь, меня кто-то жалеет. Надеюсь, меня кто-то оплакивает». Безумно очаровательна. Мутно-голубые глаза с зеленым осадком, припухлые контуры розовых губ. Родинка на скуле правой щеки. Лицо абрикосового оттенка. Русые волосы, собранные в пучок на затылке. Прилизаны гелем. Гладкие, блестящие, потемневшие. В ушах серьги из расшитой сетки. В форме бабочек. Глаза прячет за тонированными стеклами очков – «авиаторов». Постоянно кашляет в бордовый шелковый шарф, намотанный на шею. Жмет кулаки. Разговаривает, опустив голову. Будто стесняется. Не передо мной. Может, перед собственным настоящим?..

...Женя, двадцать четыре года. Более трех лет в Стамбуле. Незаконно. Виза просрочена. Успела пожелтеть на дне красной лакированной сумки. В 2002 году приехала из Киева. После смерти матери. После кончины последней надежды. Убежала от отца. Убила бы, если не уехала. С детства приставал. Пытался изнасиловать. Похотливо гладил груди дочери, угрожал убить. Ради матери молчала. Стоило терпеть? Поздно искать ответ...

...Турецкую главу жизни начала с работы официантки в Анталии. Оттуда переехала в Стамбул. Здесь русские девушки более востребованы. «Когда обслуживала клиентов в отеле, боялась встретить среди отдыхающих знакомых из Киева. Стыдилась. Поэтому смылась в Стамбул. Тут легче затеряться... Сейчас наплевать. Пусть хоть самого крестника встречу. Не обязана отчитываться». Агрессия в хриплом голосе. Не подходит под ее внешность. Потрескавшийся голос – черта приобретенная. Много курила, часто кричала, злоупотребляла кофе. Турецким. Густым, темно-коричневым. Не запивала водой...

Женя – проститутка. Не самого низкого класса. Среднего. Достичь столь элитного уровня при нынешней конкуренции Стамбула сложно. Ей удалось. Хотя таких целей не ставила. «Наверное, трахаюсь с душой. Турчанки по сути зажатые в постели. Их самцы ищут настоящего удовольствия... Придерживаюсь двух принципов. Не разрешаю целовать в губы. Не разрешаю называть себя Наташей. Мерзко звучит. В остальном нет проблем». У Жени снежная кожа. Синяки на плече. Замечает интерес по глазам. «Излишки профессии... Однажды один курд, скотина, мочку уха перекусил. В порыве экстаза. Пришлось самой останавливать кровь. В больницу не пойдешь, нелегалка же... Привыкла. Ничего не пугает, кроме СПИДа. Представляешь, некоторые турки считают обрезание защитой от этой заразы. Редко приносят с собой „резинки“. Приходится самой покупать»...

Перестала переживать, стыдиться, комплексовать. «Туркам от женщины кроме классного секса ничего не нужно. Никаких прелюдий, петтинга. Наваливаются на тебя, жадно расцеловывают, одновременно снимая трусы. Спешат кончить. Быстрее получить удовольствие. О партнере не думают. Так что оргазм мне снится только во сне... В целом турки великолепны в постели. С ними секс легкий, незаметен. Платят щедро. Жмоты не попадались. Благо сутенер заранее берет деньги. Делим 50 на 50»...

Презирает Коэльо. Называет писателя «слюнявым врунишкой». «Прочитала „Одиннадцать минут“. Редкостная чушь. Так „мыльно“ описывает чувства проститутки. Вранье! После десятого клиента мы вообще перестаем чувствовать. Эффект конвейера. Слышал о таком? Сунул, вынул, поцеловал в щечку Разбежались. Не шокирую. Реальность». Женя живет в трехзвездочном отеле недалеко от Лалели. На последнем этаже. Небольшая комната. Когда-то служила складом. По договоренности с администратором гостиницы переделали под жилье. Большая кровать, душевая, холодильник, трюмо с треснутым зеркалом. Условия неплохие. «Знакома с русскими девочками-проститутками. Большинство из них живут в клоповниках. Страшная вонь, кровать в лобковых волосах, воняет спермой. Видя подобное, пишу Богу эсэм-эску с уважением. Все-таки меня не обижает. Сама себе хозяйка. Сутенер заранее расписывает

график. Дает два выходных в неделю. Решает вопросы с полицией, умирляет шумных клиентов, водит к гинекологу, если нужно. Единственное требование: не разрешает общаться с русскими девочками. Многие из них занимаются наркотиками. Боится облавы... В турецких тюрьмах и так полно русских девчонок».

...Женя заказывает апельсиновый сок. Свежевыжатый. Размешивает в нем порошок аскорбиновой кислоты. Стучит чайной ложкой по стеклу бокала. Ударная доза витамина С. «Боюсь подцепить заразу. Безысходность. Я ведь одна. Нет друзей, родственников. Если заболею надолго, сутенер быстренько найдет замену. Возиться с больной „бабочкой“ невыгодно. Время – деньги. Поэтому подкрепляю иммунитет». Смотрит мне в лицо. Пристально, с невысказанной тоской. «У тебя глаза как у Романа. Карие, сильные, мокрые. Был единственной любовью. Подонки, разбил мое сердце. До сих пор осколки внутри. Роман твердил, что любит. Спустя два месяца исчез. Через друзей узнала, он женился на другой, богачке. Уехал в Москву... Никакой философии. Банальная история наивной девушки. Не верю в любовь. Не верю в солнце. Кстати, ты обещал забрать его... Я хотела бы переспать с тобой. Честно. Я хотела бы любить тебя с мыслями о Романе. С мыслями о прошлом. Не могу. Во второй раз боли не переживу...»

Не затрагивает тему будущего. Без того ожогов на сердце хватает. «Не знаю, чего ждать. Жизнь в одном дне. Впереди настоящий лондонский туман. Знаешь, я мечтаю съездить в Лондон. Купить дом в районе Челси, переспать с Романом Абрамовичем, жить припеваючи. Я сумасшедшая. Знаю». Смеется, откидывая назад голову. Непроизвольно тоже смеюсь. На нас удивленно смотрит коротконогая официантка. Что-то записывает в маленький блокнотик. Может, она будущая писательница? Может, она записывает очередной заказ? Не надо искать философии там, где ее нет.

...Женя исчезла так же неожиданно, как появилась. Вернулся из туалета, а след девушки простыл. На столике никаких признаков присутствия второго человека. Лишь на моем ежедневнике лежит незнакомый брелок. В форме солнца. Позолоченный металл, пахнущий цветочными духами. Застываю в изумлении. «Захвати солнце с собою. Оно мне больше не нужно». Слова всплывают в памяти. Подходит официантка. Приносит счет. В расписке указана сумма за две чашки кофе и клубничное пирожное. «Девушка, вы забыли внести апельсиновый сок». «Извиняюсь, но в вашем заказе кроме кофе с десертом ничего не было. Вы ошиблись...» Разжимаю ладонь. Брелок-солнце по-прежнему на месте. Заберу его с собою...

16

... Чем прочнее дерево любви, тем чаще оно подвергается порывам ураганов...

...Любовь нуждается в испытаниях. Арматура отношений заливается бетоном сложностей. Проверка на прочность. Испытания сшивают потрескавшиеся сердца. Судьба накладывает швы, рана заживает, нити отсыхают. Со временем выпадают... Кому-то достается больше испытаний, кому-то меньше. Конкретной «дозы» нет. Турецкая мудрость гласит: «Чем прочнее дерево любви, тем чаще оно подвергается порывам ураганов»...

...Удушающая тошнота. В желудке закипает лава горечи. Вены дрожат, словно в них пустили ток. Мысли путаются, своей тяжестью давят на веки. Осознаю, понимаю. В себе. Боль в затылке. Пугающее тепло разливается по спине. Поднимаю руку. Прикасаюсь к затылку. Пальцы в крови. Холодно. Сырой после утреннего дождя асфальт. Откуда-то доносится песня с цыганскими мотивами. Нужно спасти себя. Медленно засовываю руку в карман пиджака.

Достаю мобильный. Последние набранные номера. Нахожу имя Sevgilim⁶². Набор. Гудки. Голос-надежда. «На меня напали. Приезжай. Я недалеко от Сулукуле». Силы иссякают. Телефон выпадает из руки. Туман. С детства не любил туманы...

...Восхищаюсь талантом Зейнеп быстро взять себя в руки. В ситуации, когда не до слез, воплей, поисков виновного. Главное – близкий человек. В движениях спокойствие, в глазах плескается волнение. Тельцы умеют сдерживаться. С трудом. Как-никак один из эмоциональных знаков гороскопа...

О прошлогоднем случае напоминает шрам на затылке. Сам инцидент заставил во многое поверить. Уверенность в поддержке половинки ничем не купишь. Неделю Зейнеп, забросив институт, ухаживала за мной. Выжимала бурачный сок, готовила блюда из баклажанов, пекла имбирные печенья. Ближе к вечеру ложились на диване. Она гладила мою голову, перебирала волосы. Я слушал забавные урчания в ее животе, вдыхал фиалковый запах упругой кожи. В такие мгновения боль в голове отступала, сон обволакивал. Животик Зейнеп казался лучшей подушкой на свете...

...Настаивала на вмешательстве полиции. «Родной, твой случай не первый, не последний. Надо остановить это. Беспредел в Сулукуле осточертел всем». Противлюсь. Знаю, бесполезно. Самый криминальный квартал города души, называемый многими местным «Бронксом», много лет сотрясает умиротворенный ритм портового города. Цыгане слишком свободолюбивый народ, чтобы соблюдать порядки. Горожане привыкли обходить стороной Сулукуле. Поговаривают, полицейские поступают аналогично. Поэтому в бесполезности обращения в какой-то мере уверен... Жалею только об украденном портмоне. Подарок Зейнеп на день рождения. Крокодиловая кожа, серебряные уголки. Ее снимок в прозрачном кармашке фотораздела. Благо, наличных денег не имелось. Кредитную карточку восстановили...

Пол, внешность грабителя не запомнил. Удар по затылку чем-то твердым нанесли неожиданно. Пока лежал без сознания, обшарили карманы, вытащили ключи, портмоне, визитницу. Мобильный, видимо, не заметили. «Честно говоря, удивлена. Во-первых, в светлое время суток воришки Сулуку-ле не стали бы рисковать. Во-вторых, как я поняла, ты не проходил по центру квартала... Милый, вообще прекращай пешие прогулки. Дальними кварталами города можно любоваться через окно такси». Для Зейнеп колорит Стамбула привычен. Знает все закоулки, лучшие кафешки, бутики, расположение культурных памятников. Все-таки для нас, приезжих, Стамбул другой. Более ясный, приближенный. Возникает желание покорить великий город...

---

⁶² Любимая (турец.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.